

Птенец и Зверюга

16+

Андрей Смирягин

Андрей Смирягин
Птенец и Зверюга

«ЛитРес: Самиздат»

2005

Смирягин А.

Птенец и Зверюга / А. Смирягин — «ЛитРес: Самиздат», 2005

ISBN 978-5-532-03482-2

Сага о романтической любви, разлуках и встречах во всех уголках большого мира.

ISBN 978-5-532-03482-2

© Смирягин А., 2005
© ЛитРес: Самиздат, 2005

Содержание

Полет Обратно	5
Солянка	14
Поцелуй На Прощание	30
Одна С Половиной Недели	42
Территория	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Полет Обратно

В облаках есть что-то чрезвычайно эротичное, особенно если смотреть на них сверху из иллюминатора самолета – их белизна и чистота, их плавные изгибы, переходящие в умопомрачительные провалы.

Однако эротичность полета на десятитысячной высоте этим не ограничивается. Чего стоит одна инструкция по безопасности, лежащая в спинке впереди стоящего кресла: «Прежде чем покинуть самолет, снимите обувь на высоком каблуке и синтетические чулки». Тут же перед глазами встает девушка, которая, перед тем как покинуть горящий самолет с помощью аварийного надувного трапа, изящно скидывает туфельки на высоком каблучке, а затем, пикантно сидя на полу, приподнимает ножку и скатывает с нее чулок.

И просто нельзя не прийти в горячее возбуждение от следующего пункта о том, как правильно покинуть попавший в аварию самолет: сначала ноги и только потом голова. Короче, никак иначе нельзя, только вперед ногами.

В самом хвосте полупустого самолета на так называемых местах для курящих в кресле у прохода сидел герой повествования – Никита Самолетов. Рядом, забравшись с ногами на два свободных кресла и для удобства положив голову на колени к Самолетову, мирно спала прекрасная незнакомка.

Они летели в Москву с дополнительной посадкой в Шеноне. Может возникнуть вопрос: если они были незнакомы (он даже не знал ее настоящего имени), то как оказалось, что голова девушки удобно устроилась на коленях у мужчины? Более того, его рука не менее удобно покоилась на ее бедре, так что со стороны могло показаться, будто это пара любовников мило устроилась в хвосте самолета, чтобы им никто не мешал. Однако ничего удивительного в этом не было: молодые люди познакомились перед самой посадкой в самолет. Он помог ей управиться с двумя тяжеленными чемоданами ее багажа, купил сэндвич и воду, так как у девушки не оказалось при себе денег. Чужая страна и перспектива дальнего перелета необычным образом сблизают даже самых разных людей, что уж говорить о симпатичной девушке и молодом мужчине.

Лайнер поднялся в воздух днем, но так как он летел в северных широтах навстречу солнцу, то сутки летели ровно в два раза быстрее. Очень скоро за окном наступили сумерки, а потом и полная, непроглядная из-за облаков, ночь. Никита знал, что при полете из Москвы в Вашингтон человек получает лишние полдня жизни, и поэтому лучше всего выпить водки и крепче уснуть, чтобы перестройка организма проходила не так болезненно. Обратно же, при возвращении в Старый Свет, лучше вообще не спать, чтобы компенсировать навсегда потерянные восемь часов жизни.

Впрочем, для его спутницы подобные рассуждения ничего не значили: она захотела спать и уснула. Никита не смог бы последовать ее примеру, даже если бы попытался заставить себя. Его ум был чересчур возбужден недавними событиями, произошедшими с ним за три недели пребывания в Вашингтоне.

Самолетова переполняло непривычное ощущение свободы, а также бесконечная грусть от расставания с владеющим им последние пять лет чувством, как с чем-то привычным и дорогим. Он ощущал свою потерянность, зыбкую пустоту в сердце, которую еще не известно, удастся ли когда-нибудь заполнить столь же щемящей нежностью к близкому и одновременно бесконечно далекому существу.

Он, наконец, простился с юностью, чему, с одной стороны, радовался, как школьник в ночь выпускного бала, который вырвался на свободу. С другой стороны, он испытывал легкую ностальгию по тем временам, когда каждый день приносил простые открытия, когда было сделано множество глупостей, когда жизнь казалась манящей планетой еще неизведанных радостей и неожиданных подарков.

Он простился со временем первых поцелуев, первых разочарований и побед. Временем чистых, а потому самых лучших страстей, которые никогда не повторятся, но и никогда не забудутся.

История этой любви началась достаточно прозаично четыре года назад. Они познакомились на курсах автовождения. В перерыве между занятиями он читал книжку на английском языке. Она сидела со своим парнем за соседней партой. Поначалу Никита принял парня за ее мужа. Уж слишком интимно они держались за руку, когда приходили или уходили с занятий. Так, казалось ему, ведут себя только молодожены в первый месяц после свадьбы.

Нельзя сказать, что она сразу произвела на него сильное впечатление: худенькая девушка с фигурой подростка, темными вьющимися волосами и необычным именем Глория. Он даже подумал, что, если ее коротко подстричь, она будет больше похожа на мальчика.

Свое внимание он обратил на нее, вероятнее всего, из ревности к счастью недавно поженившихся супругов, увлеченных друг другом так, что им некогда замечать других людей. Однако очень скоро он понял, что и сам не остался незамеченным ею. Как-то, в перерыве между занятиями по теории двигателя внутреннего сгорания, Самолетов по привычке достал из сумки карманного размера книжку в глянцевой обложке и углубился в чтение английского текста. Это занятие требовало от него определенных усилий, так как в то время его словарный запас был не так уж велик: его хватало лишь на то, чтобы следить за ходом повествования в сильно обедненном деталями варианте.

Оторвавшись в какой-то момент от чтения, он поймал на себе ее любопытный взгляд. Ее приятель в это время куда-то отлучился.

– Интересная книга? – вдруг спросила она, кивнув на брошюрку в его руках.

– Так, ничего, – ответил он, проникая в самую глубину ее карих глаз-бусинок своим взглядом.

Он был уже прекрасно знаком с таким проникновением друг в друга глазами. Когда девушка так смотрит, это означает, что при случае затащить ее в постель не составит большого труда.

– И ты все понимаешь? – задала она новый вопрос.

– Процентом тридцать. Но человеку с хорошим аналитическим умом этого достаточно, чтобы понять все остальное.

– Здорово! А о чем книга?

– Об одной тридцатилетней американке, фотохудожнице. У нее есть три любовника: первый – восемнадцатилетний мальчик, второй – ее ровесник и третий – мужчина за сорок.

– Здорово! И кого же она любит больше?

– Всех понемногу. Книга достаточно откровенная. С молодым парнем она занимается спортивным сексом. Ровесник, который сидит с ее детьми, как няня – гомосексуалист, и перед тем как заняться с нею любовью, надевает на глаза черную повязку. А ее старший приятель – вообще необычный мужчина: эта женщина тащится от его ануса.

– Дашь почитать?

– Когда дочитаю, дам.

С тех пор, если он опаздывал на занятия, она занимала ему место рядом с собой. Ее приятель из-за занятости по работе не приходил достаточно часто. Как-то Никита спросил Глорию, где он работает.

– Недавно устроился в израильское посольство, помогает оформлять эмигрантов, – объяснила она.

– Я почему-то сразу так и подумал, – признался Никита.

– Что ты подумал?

– Когда я в первый раз увидел вас вместе на курсах вождения, я сразу понял, что никакой машины у вас нет и не предвидится. Просто вам нужны права, которые, как мне известно, годятся и в Израиле.

– А ты, оказывается, догадливый! Мы действительно собираемся уехать. Но почему ты решил, что у нас нет и не может быть машины?

– Ну откуда у недавних молодоженов, да еще, по всему видно, не из слишком обеспеченных семей, может взяться машина!

– Молодоженов? Кто молодожены?

– Вы. А что, разве не так?

Глория радостно засмеялась, а потом как-то слишком горячо стала его разубеждать:

– С чего ты взял? Какая глупость! Мы еще не женаты.

– Мне почему-то показалось... – смутился и одновременно обрадовался Никита. – Вы так счастливо смотрели друг на друга и так трогательно ходили, взявшись за руки.

– А что, так ходят только молодожены?

– Не знаю. И потом, ты же сама сказала, что вы еще не женаты. Значит, скоро будете.

– Не знаю. На самом деле Виталий действительно сделал мне предложение, и я думаю, что вдвоем в чужой стране будет проще устроиться.

– А ты обязательно хочешь уехать? – со странной дрожью в голосе спросил Никита.

– Понимаешь, – ответила Глория, задумчиво глядя куда-то вдаль, – социализм и суровый климат – это слишком много для одной страны. Здесь я мерзну, особенно зимой...

Их первая близость случилась в тот же день, что и первый поцелуй. Шел дождь. Она ушла с занятий за полчаса до окончания. Куда она торопилась, теперь уже неважно. Важно, что он догнал ее у самого выхода. Зонтика у нее не было, у него тоже. Они молча стояли под козырьком подъезда, почти касаясь друг друга, перед стеной дождя и ждали, когда он закончится. Глория дрожала от ненавистного ей холода, Самолетов тоже дрожал, но никакого холода он не чувствовал – скорее наоборот, непонятный жар. Их тела как бы случайно то прикасались, то отстранялись друг от друга, и он никак не мог понять, кто был инициатором этих прикосновений. Наконец его плечо прижалось к ее плечу и уже больше не отстранялось. Она стояла опустив голову, будто стыдясь поднять на него глаза, а он чувствовал, как горячо ее тело под легкой блузкой.

Они молчали. Говорили лишь их тела, все сильнее прижимаясь друг к другу.

Дождь пошел тише и можно было добежать до метро, но они забыли, зачем стоят здесь так долго. Наконец она стала несмело поднимать к нему свою голову, а он – склонять свою к ее припухшим от прилива крови губам.

И вот короткий путь их губ и душ друг к другу был преодолен. Никогда больше он не испытывал такого восторга от поцелуя. Он обнимал ее худенькое тело, чувствуя под тонкой тканью бретельки ее бюстгалтера.

Они не заметили, как дождь кончился. Их не было, а было только бесконечно тянущееся наслаждение от интимного соприкосновения их горячих тел, влажных губ и несмелых язычков.

Их поцелуй прервала секретарша курсов, располневшая стержовная блондинка – такие обычно долго остаются в старых девах, даже если работают в местах, где мужчины бродят толпами. Она прошла мимо, демонстративно не глядя в их сторону и презрительно скривив губы.

– Блин! – воскликнула Глория. – Теперь Виталию все будет известно.

– Почему ты так решила?

– Вот увидишь. Уж эта не упустит случая досадить мне. Не знаю почему, но она с самого начала, когда я только поступала на курсы, невзлюбила меня.

– Ну и ладно, забудь. Поехали ко мне?

Глория пытливо и как-то настороженно посмотрела Никите в глаза, словно спрашивая себя, должна ли она сразу довериться своему чувству и этому человеку.

– Может, лучше не надо? – произнесла она несмело.

– Поехали, – решительно сказал он, уже почувствовав небольшую власть над нею. – Сейчас я возьму такси.

Она безмолвно повиновалась.

В квартире было полно народу: мать, отец, сестра, приехавшая в гости с маленьким сыном. Сопровождаемый недовольным взглядом матери, он провел Глорию в свою комнату.

Он был очень опытным мужчиной. Очень!

Во-первых, он достал бутылку шампанского, которая у него всегда была припасена для таких случаев – кто же, не подогрев женщину, будет пытаться сломить ее сопротивление. Чокнувшись с женщиной бокалом о бокал, как бы делаешь первый шаг к сближению. Во-вторых, включил свой двухкассетник, на который горбатился целое лето в студенческом стройотряде – женщины обычно любят, когда играет музыка. И в-третьих, как бы невзначай прикрыл шторы на окне – полумрак в отношениях с женщиной никогда не бывает лишним.

Второй поцелуй начался быстро: почти сразу же после того, как они выпили летящие вверх пузырьки, их лица прильнули друг к другу и стали переливать изо рта в рот шампанское, слюну и горячую страсть.

Вскоре он повалил ее на диван, и поцелуй перешел в сложную игру губ, рук и тел. Они то приникали друг к другу, то отстранялись, то менялись местами – кто сверху, кто снизу.

Когда он стал расстегивать ей блузку, она еще пыталась слабо сопротивляться и закрываться ладонями. Брюки она уже помогала снимать ему сама.

Она вручила ему себя легко и просто, как делает каждая неопытная девушка, которую еще ни разу не бросали. Она хотела ему верить – и она ему верила. Только тихо попросила своим гортанным голосом:

– Пожалуйста, с презервативом...

Он был очень опытный мужчина. Он сразу схватился за сердце... проверить, не потерял ли он приготовленный на всякий случай презерватив. Конечно, его там не было. А она лежала с полузакрытыми глазами и абсолютно ничему не сопротивлялась.

Все сразу стало больше похоже на медицинскую операцию, чем на страстную любовь: добежать до письменного стола, достать из ящика презервативы – а она там лежит, все еще готовая ко всему; осторожно, чтобы не повредить презерватив, разорвать упаковку – а она там лежит; надеть презерватив – а она там лежит и, кажется, уже начинает скучать.

Да еще этот запах латекса от вскрытой упаковки – совсем как запах натягиваемых на руки резиновых медицинских перчаток. А она лежит, и уже свела тонкие ноги. Здесь уже и сам начинаешь задумываться, к чему все это.

Двумя руками Никита медленно развел их и с большим трудом проник в едва увлажненное углубление ее худенького замерзшего тела с гладкой и смуглой кожей подростка.

* * *

Изобретение презерватива можно сравнить только с изобретением колеса. Подвиг автора останется навсегда в сердцах благодарных потомков, за исключением, конечно, тех, кто благодаря ему так и не сумел осчастливить этот мир посещением.

Одним из самых сильных сексуальных впечатлений детства остается находка в палисаднике дома необычного резинового мешочка, наполненного мутноватой жидкостью. При надавливании на мешочек подошвой сандалии жидкость, пульсируя, выливалась сквозь дырочку в нем. Девочки и мальчики во дворе, хихикали и перешептывались, искоса поглядывая на мешо-

чек, похожий на воздушный шарик, но явно не являющийся таковым. Инстинктивно каждый догадывался, сколь интимен предмет, найденный в траве.

Став взрослыми, дети вдруг обнаруживают странное обстоятельство: то, что в воображении совершалось просто и непринужденно, на практике оказывается значительно сложнее. Как лучше управляться с этой штуковиной? Часть изготовителей мудро не прилагает к презервативам никаких инструкций. Трудно вообразить любовников, часа на два прервавших ласки для внимательного изучения руководства для пользователя. Впрочем, мучения начинаются задолго до ответственного момента.

Начнем с приобретения крамольного изделия. Автор всегда нервничает, покупая его в аптеке. Улыбка вежливости молоденькой аптекарши странным образом превращается в циничную ухмылку повывавшей виды проститутки, а покупающая рядом валерьянку пожилая женщина пугается так, будто рядом – сексуальный маньяк и презерватив ему нужен с единственной целью – тут же, не отходя от кассы, ее изнасиловать. Кое-как спрятав покупку в карман и поглубже убравшись в воротник, бежишь из аптеки на улицу.

Здесь не лишним будет остановиться на классификации людей по их предпочтению, которое они отдают разным презервативам. Молодежь и люди пожилого возраста не склонны к излишествам и пользуются бесхитростно-простыми изделиями. У них нет желания отвлекаться от предпринимаемых усилий достичь оргазма на всевозможные ухищрения производителей, нарушающих чистоту жанра. Напротив, люди экстравагантные и стремящиеся к разнообразию приобретают презервативы, скажем, в форме различных млекопитающих, которые надеваются так же, как куклы в кукольном театре, с той лишь разницей, что торчащие усики и лапки производят гораздо большее впечатление на театралов. Грубые и нечувствительные натуры предпочитают смазочные жидкости с перцем и другими раздражающими веществами. Гурманы – разнообразные вкусовые добавки, а художники – необычные цвета.

Развернув покупку дома, первое что бросается в глаза – это идиотская надпись на упаковках: «Проверено электроникой». Автор не может вообразить проверку иначе, как установкой в конце конвейера двух роботов, один из которых наделен мужскими гениталиями, а другой, точнее другая, женскими. В кратком половом сношении роботы проверяют на прочность каждое изделие. Возможно, только нехваткой железного здоровья роботов – это же немислимо трахаться столько раз на дню – можно объяснить, что иной кондом не выдерживает перегрузок при сношении людей и, подлец, рвется. Утверждают, что каждый десятый из современных людей обязан своей жизнью резиновой промышленности и электронике. Что и говорить, истинные дети брака!

Но настоящие мучения впереди, когда приходит пора применить его в действии. Во-первых, абсолютно темным местом во всем этом мероприятии остается хронологический вопрос: когда его надевать? Вроде бы перед тем, как лечь в постель с женщиной – рано, а после семяизвержения как будто уже поздно. Хотя другого более или менее свободного времени для столь кропотливого занятия не найти. Поэтому приходится бросаться на поиски положенной под подушку упаковки, которая успела, естественно, во время бурной прелюдии куда-то запропасться, в тот момент, когда женщина уже не стонет, а кровожадно рычит, требуя скорейшего начала.

Во-вторых, самым настоящим наказанием становится задача его надеть. Это же не шляпу напялить и не пальто натянуть. Этот процесс можно сравнить лишь с торопливым одеванием колготок на непослушного ребенка. Когда вам приходится одновременно держать капризное дитя, норовящее ускользнуть из рук, и в то же время ухитриться попасть его ногами в скрученные отверстия колготок. В конце концов оказывается, что колготки надеты наизнанку, и приходится начинать все сначала. Какое счастье, что в половом акте не возникает проблем правой и левой ноги.

Уф! Кажется, одевание закончено, во время чего мужчина потеет сильнее, чем во время самого акта. И здесь неожиданно обнаруживается, что женщина, которую вы полчаса разогревали своими ласками, остыла. То есть, конечно, остыла не совсем до комнатной температуры, умерев от смеха, глядя на ваши упражнения, а стала непригодна для действия, ради которого вы надевали ваш замечательный, приготовленный с утра презерватив.

Приходится забыть на время про облаченного в доспехи рыцаря, готового к ведению боевых операций в тылу противника, и отчаянно попробовать ласками снова довести женщину до полубморочного состояния. Ну вот, наконец, разведка доносит, что пора приступать к фронтальной атаке, и здесь вы с ужасом замечаете, что рыцарь, до того как будто вполне здоровый и жизнерадостный, полностью потерял присутствие всякого духа, сник, а латы едва не спадают с его плеч.

Факт несостоятельности перед женщиной приносит сплошные расстройства. Бывает очень неудобно: упрощаешь ее полночи, даешь страшные клятвы, чуть ли не силком тащишь в постель, чтобы после продемонстрировать полное бессилие зарвавшегося органа.

Но здесь на помощь приходят женские руки. Как восхитительны они, когда держат вязальные спицы, готовят яблочный пирог, развешивают белье на лужайке, но в тысячу раз они прекрасней, когда одним прикосновением к только им известным местам вдыхают жизнь в безусловно храброго, но такого несамостоятельного, капризного и даже немного безвольного воина. В связи с этим автор предпочитает отдавать всю кропотливую работу, связанную с противной резинкой, в нежные женские руки, тем самым получая дополнительные возможности для наслаждения.

Ну что же, как видно из вышесказанного, бытующее среди неискушенного юношества убеждение, что самой трудной частью в половом акте является убедить женщину лечь в одну постель с вами – в чем, признаться, автор и сам был уверен пока не лег – куда как далеко от истины. Насколько же становится обидно, когда счастливые от недавнего пребывания на вершинах любви, благодарные и потные любовники снимают использованную тряпочку и с изумлением находят, что она разорвана. А шустрые, невидимые глазу ребята с хвостиками приближаются к несметным сокровищам женских хромосом. Не остается ничего другого, как вступить с ними в соревнование, кто быстрее добежит: они до цели или вы до экстренных противозачаточных средств и методов.

А что же испорченный презерватив? Будучи выброшенным от злости в окно, он послужит нашедшей его детворе наглядным пособием в изучении такой непростой, но такой восхитительной науки любви. В чем, возможно, и заключается настоящая преемственность поколений, где «неразрывной» связью служит замечательное изобретение пылливой и гениальной ума – презерватив.

* * *

Однако отличие эротика от порнографии в том, что эротика – это искусство, а порнография – это жизнь. Именно такая мысль пришла первой Самолетову в голову, когда безумство плотского наслаждения отпустило его разум и тело.

– ...Ты слышала, как ты орала? – спросил он свою партнершу, когда увидел, что и она чуточку пришла в себя. – По-моему, соседи уже звонят в милицию, сообщить о совершении страшного злодеяния.

– А ты не врешь? Я действительно так громко кричу?

– У меня уши заложило. Особенно неистово ты визжала, когда я целовал тебя там. А дальше я сам плохо что-нибудь понимал.

– А я ничего этого не помню. С первых твоих прикосновений я почти потеряла сознание. Хотя нет, постой, вспомнила! Ты под конец тоже кричал.

– Правда? Досталось же нам обоим.

– Иногда я думаю, что только ради этих мгновений и стоит жить... – неожиданно Глория отстранилась и с подозрением посмотрела на Никиту. – А ну признавайся, сколько у тебя без меня было женщин?

– Начинается! Я же тебя не спрашиваю, сколько у тебя было мужчин. Какое-то у вас, у женщин, нездоровое любопытство.

– Ну сколько? Сто было?

– Ты с ума сошла! Сто! Разве я похож на полового экстремиста? Сказала бы девяносто пять, девяносто шесть – это еще куда ни шло. Но сто! – такого не было, это точно.

– И всем ты говорил то же самое, что и мне?

– Как тебе сказать. В общем, слово не всегда успеваешь вставить...

– Ах ты свинья!

– Только без локтей! Все что угодно, только не это.

– А пошел ты! Я серьезно рассердилась. Теперь я поняла, как ты относишься к женщинам.

– Как?

– Как к месту, где можно пристроить свои сперматозоиды, а после тебе плевать на них.

– Я же шучу.

– Ты со всеми так шутишь?

– Ну прости меня. Сейчас я говорю абсолютно искренне. Так серьезно, как с тобой, у меня еще ни с кем не было.

– Тогда почему ты перед этим не сказал, что любишь меня?

– Почему женщинам так важно, чтобы им подтвердили на словах свою любовь? Ты же знаешь, что слова в этом мире весят не больше, чем воздух, из которого они сделаны. Вы бы тогда требовали письменную расписку. Это надежнее. «Я, такой-то и такой-то, сим удостоверяю, что люблю вас больше жизни, готов отдать все на свете, буду верен до гробовой доски... Число. Подпись». Потом точно не отвертишься.

– При чем здесь это?

– Хорошо, я скажу. Я... ТЕБЯ... ЛЮБЛЮ...

– А я тебя нет.

– Теперь я понимаю, зачем тебе было нужно мое признание.

– Ты невыносимый человек.

– А если я тебя поцелую в ушко?

– Все равно несносный.

– А если в глазки?

– Все равно гадкий.

– А если в носик?

– Противный.

– А если в губки?..

– Отврати...

– ...Ну теперь ты веришь мне?

– Теперь верю.

* * *

В конце месяца Глория позвонила Никите и возбужденным голосом сообщила, что у нее случилась задержка.

– Но этого не может быть! – еще не до конца осознав случившееся, пробормотал он. – Я же помню, что все было в порядке.

– Ты хорошо проверял презерватив? – спросила она нервно.

– Как будто да, – ответил он не вполне уверенно.

– Как будто! – почувствовала она его замешательство. – Ты что, издеваешься? Кто, по-твоему, должен предохраняться от беременности – женщина или мужчина?

– Если женщина дура – то мужчина, а если женщина умная – то она сама.

– Значит, я, по-твоему, дура? – закричала она на грани нервного срыва. – Ты с самого начала знал, что не все было в порядке, и ничего мне не сказал?!

Конечно же, он прекрасно знал, что самый первый их презерватив оказался надорванным. Проклятые дешевые отечественные резинки! Он сам в свое время шуточно прозвал их «пятьдесят на пятьдесят». Но хуже всего была его непростительная манера все оставлять на авось – мол, все само собой рассосется. В данном случае, похоже, само собою ничего рассосаться не могло.

А она-то какова! Залететь с первого же раза! Это какое же чувствительное надо иметь детородное устройство?!

У него сам собою вырвался стандартный в таких случаях вопрос молодого человека к своей залетевшей подруге:

– А раньше у тебя бывали задержки?

– Иногда бывали. Когда я сильно волнуюсь. Например, когда я поступала в институт, перед экзаменами. Но сейчас же ничего подобного не было. И потом, я каким-то шестым чувством чувствую, что это то самое.

– Что «то самое»?

– Ты что, не понимаешь? Я беременна! – закричала Глория в трубку.

Этот крик вывел его из состояния полной протрации. Он понял, что в его жизни сейчас произошло то, что, возможно, повлияет на всю его дальнейшую судьбу, и все из-за какой-то некачественной резинки.

Теперь надо было срочно решать главный вопрос: что делать с неожиданной беременностью? Прерывать или не прерывать? Ему почему-то показалось, что в обоих случаях вся полнота ответственности ложится на него одного. Если прерывать, то надо найти способ, как это сделать – естественно, все возможные денежные издержки ложатся на него, как на виновника происшествия. Но захочет ли она избавляться от ребенка? А если не прерывать, значит, нужно принимать новое решение: жениться или не жениться?

И это меньше чем через месяц после начала романтических отношений! А ведь он даже толком не разобрался, насколько эта девушка ему дорога.

– Ты что-нибудь уже предпринимала? – спросил он.

– Да! Моя подруга недавно была в аналогичной ситуации, и ей помогли специальные таблетки для прерывания беременности. Она дала мне все, что у нее осталось.

Никита сразу ухватился за возможность свалить часть ответственности на партнершу.

– Почему ты глотаешь всякую дрянь, не спросив меня? – закричал он.

– А что мне оставалось делать? Ты не представляешь, как я испугалась.

– Подействовало?

– Нет.

– Это плохо, – как лечащий врач, задумчиво произнес Никита.

– Что же мне делать?

Откуда он знал, что делать. Он и сам в первый раз попал в подобную ситуацию. Казалось, почва уходит у него из-под ног. Появилась какая-то странная нервная слабость во всем теле, как будто его в один миг вырвали из привычного круга жизни, и теперь ничего уже нельзя изменить. Какой странной и пугающей кажется мысль о ребенке в молодости, и какой желанной и вдохновляющей является она же в зрелом возрасте!

И Никита принял решение, которое потом считал одной из ошибок своей молодости.

- Теперь, раз уж ты принимала эти таблетки, – сказал он с твердостью, за которой на самом деле стояло малодушие, – от ребенка по-любому нужно избавляться.
- Но как?
- Я что-нибудь придумаю. Жди моего звонка, – сказал Никита и положил трубку.

Солянка

Почему-то жизнь интересна только в мемуарах. Когда существуешь в настоящем, она не кажется столь привлекательной и захватывающе любопытной.

Чего только молодые люди не предпринимали, чтобы избавиться от ребенка! Никита стал настоящим экспертом по прерыванию нежелательной беременности на ранних стадиях. Выяснилось, что для начала хорошо помогает валерьянка или валидол под язык. Именно эти средства спасут молодого человека от сердечного приступа в первые минуты после того, как девушка сообщит ему, что она, судя по всему, беременна.

Дальше Никита поднял на ноги всех своих знакомых, так или иначе имеющих отношение к медицине. Знакомый ветеринар, бывший его одноклассник, дал совет попробовать аскорбиновую кислоту, мол, если употребить сразу упаковку витамина С, организм должен ответить на это соответствующей реакцией отторжения.

Организм Глории ответил на издевательство лишь стойким запахом аскорбинки при мочеиспускании и покраснением щек. Затем было решено попробовать иглоукалывание. Знакомая Никиты по курсам английского языка утверждала, что это верный и безопасный способ сорвать беременность на ранних стадиях – якобы, на теле есть такие точки, которые стимулируют менструацию – и дала телефон нужных людей, которые берут «недорого».

* * *

В квартире рекомендованных иглотерапевтов в одном из спальных районов Москвы, куда Самолетов и Глория долго добирались на перекладных, их встретили два человека, мужчина и женщина, что примечательно, оба они были полураздеты, а именно, он был в плавках, а она в трусиках и бюстгальтере.

– Простите, мы кажется ошиблись, – попятился Никита, доставая бумажку с адресом, чтобы прочесть его еще раз.

– Вы Никита? – заметив его смущение, улыбнулась молодая женщина с фигурой спортсменки.

– Да.

– А вы Глория?

– Глория.

– Значит, это мы с вами договаривались по телефону. Меня зовут Галина.

– Да точно, – кивнул Самолетов, стараясь не смотреть на несколько морщинистый, как после недавних родов, живот хозяйки.

– Ну смущайтесь, проходите и располагайтесь. Алексей сейчас приготовит все для сеанса.

Мужчина в плавках с крепкой фигурой альпиниста и прыщавой спиной, кивнул согласно и удалился в спальню, которая видимо играла роль процедурной. Глория беспомощно посмотрела на Никиту.

– Не бойтесь девушка, – подошла к ней Галина и мягко взяла за руку. – Это неприятно, но аборт больнее. Впрочем, если вам не очень нужно...

Глория немедленно отбросила нерешительность и твердо сказала:

– Нет, нужно.

– В таком случае, садитесь и попытайтесь расслабиться. Я сейчас принесу чай.

Пока она заваривала на кухне чай, Глория тихо спросила Никиту:

– Слушай, а почему они дома раздетые ходят?

– Так, может, им одеть нечего, – предположил он с нервной веселостью.

– Не обращайтесь внимания на наш вид, – появляясь в дверях с подносом, на котором дышал мятой пузатый фарфоровый чайник. – Мы приверженцы непосредственного общения с природой, а потому стараемся не отгораживаться тряпьем от мира. Обычно мы ходим голыми, но чтобы не смущать посетителей во время сеанса кое-что надеваем.

– И вам не холодно, – из вежливости поинтересовался Никита, с беспокойством глядя на прикрытую дверь "процедурной", где сутился Алексей. Его несколько беспокоили эти приготовления и то, что собираются делать с Глорией.

– Человек отгородился от своего естественного состояния, – продолжала вещать Галина, наливая гостю ароматный напиток. – Мы не можем ждать милости от природы после того, что мы с ней сделали, наша задача слиться с нею. Леша, у тебя все готово?

– Угу, – послышалось из комнаты голос мужчины.

Он явно был немногословен.

– Девушка, вы может пройти и раздеться, – указала на спальню хозяйка дома. – Да не волнуйтесь вы так! Леша сделает все замечательно. Он очень талантливый иглотерапевт.

Глория растерянно посмотрела на Никиту.

– Не бойся, – подтолкнул он ее, – в случае чего я здесь.

Глория обречено вздохнула и шагнула в "процедурную". Когда дверь за ней закрылась, Галина с интересом посмотрела на Самолетова и неожиданно предложила:

– А вы сами не хотите попробовать на себе, что такое иглоукалывание?

– Как это? – насторожился Никита.

– Очень просто. Вы знаете, что на теле человека есть участки совершенные лишенные нервных окончаний. В них можно воткнуть иглу, и вы ничего не почувствуете.

– Любопытно, – заинтересовался Никита, пытаясь в то же время прислушиваться к звукам из спальни, где его спутница уединилась вместе с полуобнаженным мужчиной, – только я вид крови не так, чтобы очень переносу.

– Не волнуйтесь, – завораживающе улыбнулась Галина, – в некоторых местах практически нет сосудов.

Любопытство взяло верх, и Самолетов дал согласие на эксперимент. Галина достала с полочки мензурку с прозрачной жидкостью, видимо, это был спирт, открыла ее, и Никита заметил внутри емкости длинные тонкие серебряные иглы с головками, чтобы их удобно было держать. Одну Галина вытащила.

Затем она попросила пациента закатать рукав до локтя и положить ее ладонью вверх. Протерев спиртом чуть повыше запястья, она начертила ногтем воображаемый крестик на коже и стала медленно, но уверенно вводить иглу.

Это было странно, но Самолетов и правда не почувствовал боли. Не было и крови, даже когда игла пройдя руку насквозь, оттянула кожу и вышла с тыльной стороны.

Для неподготовленного человека зрелище выглядело шокирующе неприятным. Как будто протыкали не живую плоть, а конечность бесчувственной куклы. У Самолетова закружилась голова, а перед глазами побежали белые точки. Галина заметила его состояние. Она осторожно вытащила иглу из руки, спрятала ее в банку, достала пузырек нашатыря и поводила перед носом Никиты.

Колющий удар аммиака в мозг быстро привел Самолетова в чувства. Он совершенно не ожидал от себя подобной реакции. Осмотрев руку со всех сторон, он не нашел ни капли крови, только две аккуратные дырочки на коже, как будто кольнули тупым концом раскрытой канцелярской скрепки.

В следующую секунду, он услышал стон из соседней комнаты. Никита привстал в недоумении. Но Галина, придержала его за руку.

– Ничего страшного, видимо, у вашей подруги, очень чувствительная нервная система. Лучше не мешайте им.

- Я хочу посмотреть, – твердо сказал Самолетов. – Он что, втыкает ей иглы прямо туда?
– Вы с ума сошли! – сердито воскликнула Галина. – Ну, хорошо, посмотрите, только тихо.

Они подошли к двери в спальню и Галина осторожно ее приоткрыла. Никита у видел прыщавую спину иглотерапевта, склонившегося над телом обнаженной Глории, лежащей на спине. Словно исследователь, который проводит опыты на кроликах, почти касаясь носом груди пациентки, Алексей внедрял длинную серебряную иглу, точно такую же, какая недавно побывала в теле Самолетова, в плечо несчастной девушки. С десятков других игл торчали у бедняжки по всему телу, от ступней до ладоней.

Глория стонала, вздрагивая и закусывая губу, но мужественно держалась из последних сил. Наконец, после очередной внедренной в ее тело иглы, она не выдержала, и громко закричала, что впрочем не произвело на ее мучителя никакого впечатления.

- Тонкая организация, – пробормотал он, продолжая деловито втыкать иглы.

Самолетов закрыл дверь, у него подкашивались ноги и, чтобы не упасть, он прислонился к стене. У него неприятно зануло в груди.

- Что с вами?
– Что-то под сердцем закололо.
– А-а, – усмехнулась Галина, – это звоночек...
– Какой звоночек?
– Оттуда, – и Галино многозначительно показала вверх.
– У вас есть что-нибудь выпить, – взмолился Самолетов.
– Бальзам подойдет?

Самолетов кинул головой и рухнул в кресло.

* * *

Прошло три дня, но от месячных не было ни слуху, ни духу. Похоже, иглы не произвели должного впечатления на детородный орган Глории. А время неумолимо шло, и надо было что-то срочно предпринимать. И Глория неожиданно предложила прибегнуть к помощи знакомого экстрасенса. Одна ее подруга недавно так лечила свой перелом.

- И что помогло? – ехидно поинтересовался Самолетов по телефону.
– Да, она говорит, нога срослась необычайно быстро.

Самолетов что-то попытался шутить по поводу экстрасенса-экстрасекса, потому как сам ни черта не верил во всю эту хиромантию, но его собеседнице было не до смеха. Ей совершенно не хотелось ложиться в акушерское кресло. В конце концов вреда от этого мероприятия наверняка не будет, решил Никита и согласился.

Экстрасенс оказался еще более дорогим удовольствием, чем иглоукалывание. Молодой человек поскреб по сусекам и к вечеру уже пожимал в еще более отдаленном районе города руку долговязому длинноволосому человеку, с отсутствующим подбородком, место которого занимал кадык. Рука подпольного целителя была холодная и вялая, как будто Никита пожимал руку покойника.

Экстрасенс взял деньги вперед и для начала прочел маленькую лекцию о нетрадиционных методах лечения. Он дошел до того, что новый метод психической саморегуляции позволяет вызвать в человеке любые процессы, вплоть до беременности и наоборот.

"Ну беременность я могу вызвать и без всяких помощников, – подумал Никита, – нас как раз интересуют «наоборот»".

- А вы гарантируете результат? – вслух спросил он, сразу беря быка за рога.
– Хм, – пожал плечами эскулап, – результат могут гарантировать только убийцы в белых халатах.
– Кто-кто?

– Врачи с дипломом. Они думают, что они лечат, а на самом деле главная их задача, чтобы пациенты покидали этот мир без ощущения боли. Чтобы вы знали, молодой человек, я работаю исключительно на результат. Другое дело, что организм может воспринять мой метод или отвергнуть его.

– Не подкопаешься, – пробурчал себе под нос Самолетов.

– Вот вы думаете, что у мужчины самое главное? – продолжая рассуждения, задал вопрос целитель.

– Я догадываюсь, что, – смущенно глядя на Никиту, первой ответила Глория.

– А вот и неверное, – победно посмотрел на нее целитель и тут же объяснил, – самое главное у мужчины – это руки.

– А вот вы, молодой человек, – обратился он к немного озадаченному Никите, – как думаете, сколько женщина должна испытывать оргазмов за один присест?

– Гм, ну не знаю...

Никита засмутился от неожиданности еще больше своей спутницы. Особенно его ошарашило слово "присест".

– Не стесняйтесь, считайте, что вы разговариваете с врачом.

– Ну, два или три, – предположил Никита.

– А вот и неверно, хе-хе, – засиял, как новая монета, нетрадиционный лекарь. – За один присест женщина должна кончать четырнадцать раз. А все почему? – экстрасенс поднял длинный кривой палец, – А все потому, что оргазм, он здесь!

И целитель постучал пальцем по лбу.

– Итак, для начала поработаем немного над головой. – Он поманил девушку к себе. – Встаньте, прямо, больная. Следите за руками. Что вы говорите? Не больны. А я на что? Хе-хе. Я же в обе стороны работаю.

И целитель начал проделывать движения над волосами врачуемой, словно он лепил форму человеческой ауры. Глория смущенно улыбалась и поглядывала на Никиту, в поисках поддержки. Поколдовав над головой пациентки, длинноволосый невнятно отдал ей очередную команду, а сам начал делать стряхивающие движения кистями.

Глория, густо покраснела, видимо, не веря своим ушам, затем вздохнула, мол, делать нечего, придется пройти и через это, и начала снимать джинсы-варенки.

– Что вы делаете? – уставился на нее экстрасенс.

– Снимаю трусы, вы же сами сказали.

– Я сказал часы, ча-а-асы!

– Ой, извините, – запылав пуше прежнего, начала быстро натягивать приспущенные штаны Глория, – мне послышалось "трусы".

– Мои руки действуют и через ткань, впрочем, если вам так удобно, можете снять.

– Нет, нет, все нормально, – метнула быстрый взгляд в сторону Самолетова девушка, – мне удобнее в одежде.

– Ну, как хотите. Ложитесь на диван поудобнее, закройте глаза и полностью расслабьтесь.

Глория последовала его советам, поерзала на холостяцком диванчике экстрасенса, устраиваясь поудобнее, и замерла, прикрыв веки. Никита сидел в уголке комнаты и нервно крутил на журнальном столике пепельницу с надписью "От пепла к праху".

Эскулап закончил стряхивать отрицательную энергию, а затем, с грацией циркового факира начал водить над пахом Глории, выталкивая что-то из ее недр.

– Чувствует тепло внутри? – натужно засопел он.

– Кажется, да, – ответила Глория неуверенно.

– Все правильно, я разгоняю вашу кровь в направлении выхода. В какой-то момент она должна пробить закрытые каналы, и тогда мы получим нужный результат.

"Ну, так и я могу, – прикинул Никита, – от моих рук девушки тоже испытывают тепло. Надо было самому ее лечить".

Сеанс продолжался минут двадцать, затем экстрасенс обессилено опустил руки, уставшие от пассов, а затем как ни в чем не бывало объявил:

– Сложный случай, но ничего, все идет по плану. Каналы открываются не сразу. Возможно, понадобится еще пара сеансов. На какое время вас записывать?

Он подбежал к серванту и приготовился писать в толстую тетрадь-кондуит, лежащую наверху.

– Спасибо, мы позвоним, – холодно ответил Самолетов и помог Глории подняться с ложа.

– Договорились, если в течении недели регулы не начнутся, приходите повторно.

– Да-да, – едва сдерживая ярость, – пообещал молодой человек, понимая как беспардонно его только что надули.

* * *

– Ну что будем делать? – спросила Самолетов, когда они двигались, преодолевая промозглый ветер городской окраины, по направлению к метро. – Кажется, нетрадиционные методы не помогли.

– Может быть, еще рано? – несмело предположила девушка. – Он сказал в течении недели.

– Ага, и предложил пожаловать снова к нему, шарлатан. И так ободрал нас, как липку. Больше денег на эти эксперименты у меня нет.

Настроение у Никиты было паршивей некуда. Глория, шла рядом молча, глядя себе под ноги, стараясь не замочить их в лужах после недавнего дождя. У самого спуска в метро, она остановилась и, придержав спутника за руку, заговорщицки сообщила:

– Я знаю, где можно достать денег.

– Ты с ума сошла! – взбеленился Самолетов. – Я буду не я, если не решу эту проблему сам.

– Подожди, – мягко остановила его Глория, – дело в том, что у меня есть отчим.

– Ну и что?

– Ну вот, полгода назад он взял у меня взаймы деньги, которые бабушка подарила мне на совершеннолетие. Он сказал, что у него есть очень выгодное дело, и обещал отдать через три месяца, да еще с процентами. Я бы съездила к нему сама, но боюсь без поддержки мне никак не обойтись. Главное, чтобы мама не узнала.

– А кто он?

– Он? – Глория на секунду задумалась. – Он мастер спорта по борьбе.

– Какой борьбе?

– Есть такая национальная русская борьба: один на один с зеленым змием.

– Ха-ха. Ты серьезно. Зачем же ты ему взаймы дала?

– Так получилось, потом объясню. Я его пожалела. Он начал пить с тех пор, как развалился их институт.

– А чем их институте занимался?

– Что-то они делали для космоса, кажется, разрабатывали космический туалет.

– Туалет! Ха-ха!

– Зря смеешься, это очень важная система жизнеобеспечения. Они научились всю жидкость, которую выделяет человек, перерабатывать снова в питьевую воду, выбрасывая в космос только сухие контейнеры.

– Вот это да! Хотел бы я увидеть специалиста по космическим сортирам.

– Ты правда, готов мне помочь?

– Ты еще спрашиваешь.

* * *

Не успели они спуститься в метро, как Никиту кто-то звонким веселым голосом окликнул по фамилии.

– Самолетов, ты как здесь?

Никита оглянулся в поисках владельца голоса. У обочины дороги он заметил огромным американским автомобилем, похожий на дорогостоящий чемодан черного цвета с лейблом «Линкольн». Такие автомобили в России были еще большой редкостью, но особенно вызывающе смотрелся рядом его обладатель, пухленький одетый в модный плащ юноша. Самолетов узнал его. Это был его приятель по имени Эдик.

Они познакомился с ним совсем недавно в налоговой инспекции, где они сдавали отчеты своих кооперативов. Никита как раз открыл со своими друзьями научно-производственный кооператив, чтобы продавать компьютеры, которые в договорах мудрено назывались электронными-вычислительными комплексами. Сложилось так, что на Самолетова легла бухгалтерская и техническая часть работы. Он сдавал отчеты и настраивал проданные компьютеры у клиентов.

Было совершенно непонятно, что привлекало Эдика в Самолетове, но они быстро сдружились, как будто знали друг друга тысячу лет. И теперь, если у Эдуарда возникали вопросы по работе компьютеров, которые только недавно появились в стране, и использовались деловыми людьми и директорами заводов по большей части как печатные машинки, стоимостью в автомобиль "Волга", он тут же звонил Никите и просил помочь разобраться.

Эдуард был еще непривычным типажом для страны загнивающего социализма. Его абсолютно не заботила моральная сторона зарабатывания денег. Дело в том, что махинации по перекачиванию бюджетных средств заводов и госинститутов в частные руки при помощи «электронно-вычислительных комплексов», с завышенной в десятки раз стоимостью, не обходилась без так называемой "крыши", а проще говоря, отчаянных ребят, частью отсидевших, а частью просто не побоявшихся взять пистолеты в руки. Они и обеспечивали за твердый процент с оборота прикрытие товарно-денежных комбинаций молодых жуликов.

Бандитов в своем бизнесе Эдик рассматривал наравне с оргтехникой, которой пользовался, чтобы распечатывать договора и платежки, как затратное, но необходимое средство производства. А то что эти люди ездили на "стрелки и терки" с конкурирующими организациями, также желающими взять под «крышу» Эдика, которые подчас заканчивались стрельбой и смертоубийством, его абсолютно не волновало.

Самолетова это коробило, тем не менее он вполне комфортно чувствовал себя приходя к Эдику в "офис", когда ему открывали два контролирующих вход мордovorота в трениках, у которых сильно топорщились задние карманы. Офисом служила большая отремонтированная под евростандарт квартира в старинном доме недалеко от правительственного комплекса на Строй Площади, здесь была и своя уборщица и свой повар. Что касается мордovorотов на входе, проводящих «досуг» в просмотрах видео и раскладывании пасьянса на компьютере, то юный Эдик понукал ими, как дрессировщик своими хищниками, играючи и с большим знанием дела, как будто от рождения крутился в криминальном мире. Равные отношения у него были только с их «бригадиром» по кличке Грек. Откуда такая прыть взялась у рафинированного мальчишка из семьи потомственных московских интеллигентов, оставалось загадкой.

– Привет, Эдик, – пожал приятелю руку Самолетов, и представил спутницу, – познакомься, это Глория.

– Очень приятно, – расплылся в улыбке на лице с румянцем во всю щеку Эдик, – а это Татьяна и он кивнул вглубь автомобиля на стройную девицу в мини юбке и деловом пиджачке секретарши. Та помахала рукой в ответ Самолетову.

Татьяна работала секретаршей у Эдика и одновременно крутила с ним затянувшийся и бесплодный роман. У молодого предпринимателя уже была чем-то похожая на него пухленькая жена и трое детей от года до трех, и совершенно не было похоже, чтобы он собирается менять семейное положение.

– Вы чем занимаетесь? – радушно поинтересовался Эдик у Никиты и его спутницы.

– Да вот, были тут по делам, – замялся Самолетов, не желая посвящать приятеля в подробности.

– По делам? Хе-хе! Ну и как удачно?

– Да, как сказать.

– Ну не хочешь рассказывать, не надо, – почуяв неловкость, отступил Эдик. – А мы с Татьяной как раз собираемся отметить маленькую удачную сделку. Не хотите присоединиться?

– Хм, почему бы и нет, – Никита посмотрел вопросительно на Глорию.

Та как будто колебалась.

– Для начала предлагаю покататься на машине по вечернему городу, – словно змей-искуситель кивнул Эдуард на свой роскошный Таун-Кар с обитым красным бархатом и кожей салоном.

От такого предложения вряд ли могла отказаться любая девушка в самом начале девяностых годов.

– Хорошо, – согласилась она, – только мне надо позвонить маме, что я задерживаюсь.

– Без проблем, – обрадовался Эдуард. – И лучше сказать, что задерживаешься на всю ночь.

* * *

Они сидели вчетвером не зажигая света в снятой Эдуардом для подобных целей квартире. Комнат, где они расположились, была оборудована искусственным камином и служила гостиной. Рядом была спальня.

Они пили заокеанский ликер, которые только появились в коммерческих магазинах, и беседовали о всем на свете, но больше о любви.

– Не понимаю, какая женщина вам нужна, чтобы вам не нужно было ей изменять? – задумчиво глядя на красные языки светового пламени, поднимающиеся по пластиковому раскрашенному экрану, поинтересовалась Татьяна.

– Известно какая – красивая и глупая, – немедленно среагировал Эдуард. Этим вечером он, видимо, был в ударе, в отличии от Никиты, который больше помалкивал.

– Я тебя серьезно спрашиваю, – не унималась секретарша-любовница.

– Ну если тебе и правда это интересно, то: во-первых, женщине лучше вести себя с мужчиной как с другом. Никогда не веди себя с мужчиной так, как будто несказанно страдаешь, что такая красивая и что лучше уж быть дурнушкой – жизнь бы легче была. Во-вторых, глупо видеть в каждом мужчине объект для немедленного обольщения. Если в женщине что-то есть, мужчина, если он только не слеп на оба глаза, увидит и так. А если в ней ничего нет, никаким кокетством делу не поможешь, а только выступишь большей дурой, чем, может быть, ты и есть. Мужчина более чувствителен к фальши, чем принято считать. Неестественность, если он ее почувствует, убьет любое чувство симпатии, возникни оно при первом взгляде на женщину.

– Ты все о внешности да о внешности, – вмешалась Глория, – А наш ум?

– Ах да, забыл о самом главном, об уме. – Эдуард глумливо ухмыльнулся. – Первый совет: нет никакой необходимости показывать мужчине, что ты умнее его – женщина должна скрывать свои недостатки.

– Ха-ха. Как смешно, – скривила свою кукольную мордочку Татьяна. – Ты все шутишь.

– А если серьезно, то, – глядя на пламя сквозь бокал с ликером, продолжал Эдик, – если бы на свете не было женской красоты, то смысл существования всего остального был бы для меня не совсем ясен. Когда я вижу красивую женщину, меня это всегда ставит в тупик. Красота для женщины – это как талант для мужчины. Она дается природой ни за что. Она просто дается. Красота вообще не укладывается в рамки логического осмысления. Можно, конечно, и здесь навести теорию и объяснить, что красота дана природой ради одной цели – послужить ярким оперением для лучшего привлечения самцов и производства с их помощью потомства. Но почему тогда красота распределяется так случайно? Почему одна имеет бешеный успех среди мужчин, не прикладывая к этому ни на грамм усилий, а вторая и шьет, и великолепно готовит, и скромная, и добрая, но, как говорится, что же ей еще остается – посмотрите на ее рожу.

– Фу, Эдуард, какой ты не тонкий! – опять наморщила носик Татьяна.

– Еще скажи толстый, – усмехнулся он.

– Нет, ты именно такой, какой надо. Как мне нравится но говоришь такие странные вещи.

– Ничего странного, не стоит обижаться на мужчину за его невнимательность к вашей неординарной личности и повышенному интересу к попке и ножкам. Любовь мужчины до того, как он переспит с женщиной, мало стоит. Любовь можно ценить после того, как мужчина узнает ее тело.

– А как же наша душа? – еще раз попыталась наставить оратора на путь истины Глория.

– А что душа? Я сейчас говорю о женщине, как о некоем образе, о символе. А если я начну говорить о женской загадочной душе, сразу получится глупость и ложь. В самом деле, никто же не пытается всерьез рассуждать о мужской душе. Обычно говорят о каждом мужчине, как самостоятельной личности. И если я начну говорить о женских душевных качествах, это будет все равно что пытаться рассуждать о собирательном образе Красной Шапочки во всех девчонках, носящих головной убор похожего цвета.

– Значит, ты считаешь, что нас объединяет только смазливая мордашка и соблазнительная попка? – возмущенно спросила Татьяна. – И все?

– Ха! Если бы. Не видел ничего более вызывающего в женщинах ненависть, чем успех внешности своей сестры.

– А ты говоришь, у нас нет ничего общего в характере, – съязвила в свою очередь Глория. – Теперь можешь добавить к этому, что все женщины глупые, и портрет будет завершен.

– Зачем же злиться? – Эдик был невозмутим. – Это не самые плохие качества в людях. Мужчинам достались пороки похуже.

– Ах, я сейчас расплачусь от вашей несчастной доли. – вытерла несуществующие слезы Татьяна, – Только почему-то всегда больше страдаем мы, в том числе и от ваших пороков, что не мешает вам воображать себя сильнее и умнее нас. И вообще все мужики – сволочи.

– А ты, оказывается, феминистка.

– Кто, кто?! Это что, такие некрасивые и сварливые старые девы?

– Почему обязательно некрасивые и старые? Среди них тоже ничего попадают.

– Все равно я не феминистка.

– Все женщины феминистки. Каждая в глубине души считает всех мужиков сволочами. Правда, в этом смысле и мы, мужики, не лучше. Факт, что у всех женщин нелады с головой, у нас даже как-то не принято обсуждать. Правда, Никита?

– Не знаю. – Самолетов вышел из приятного состояния отстраненности, усиленного завораживающим блеском камина, забавной беседой и приятно туманящим голову алкоголем. – Я как-то об этом не задумывался.

– Не увливай, Никита, – потребовала Глория, – что ты думаешь про женскую привлекательность? А то сидишь целый вечер и молчишь.

– Хорошо, попробую ответить, – задумчиво прищурился на поблескивающее пламя нарисованного очага Самолетов, – Я думаю, что привлекательность – это что-то внутри женщины, до чего мужчина всегда стремится добраться, но сделать это не может и не должен. Отдавая себя всю, часть женщина не должна отдавать никогда, как бы она его ни любила. Если мужчина начнет понимать, за что ему нравится женщина, то она ему скорее всего уже не нравится. Лучше сделать над собой усилие и показать, что хотя он и великолепен, пусть не обольщается, что найдутся и получше. После этого от мужчины трудно будет избавиться, даже если захочешь. Но самое главное женщина должна быть не просто любовницей, а настоящей женщиной-другом. Мужчине должно быть с нею легко, в ее присутствии он должен чувствовать себя сильным, умным, талантливым, и она не должна сосать ни капли его крови, как это делают женщины-вампиры.

– Женщины-вампиры? Ой мамочки, – поежилась Татьяна, – ты серьезно.

– Да, Никита, – грозно потребовала ответа Глория, – кого ты имеешь в виду?

– Не волнуйтесь, не вас, – усмехнулся Самолетов, – но разве вы не встречали среди женщин такие особи, которые, сами не сознавая того, выпивают у мужчины всю кровь? Мужчина, общаясь с кровопийцей, растрчивает против своей воли душевные силы на окружение ее постоянной заботой и вниманием, которые женщина воспринимает с откровенным высокомерием и пренебрежительной холодностью. Все знаки любви, будь то простая забота о том, чтобы ей было удобно в киношке, до царских подарков, она принимает как само собой разумеющееся. И не жалуйся, если она отвергнет в раздражении твои старания, что сделает тебя же виноватым за свою назойливость и неуместную суету. Такие женщины обладают мистической способностью при общении сделать тебя своим должником, даже если ты ей ничем не обязан. Твоя речь непостижимым образом теряет контроль, и с губ невольно слетают самые безумные обещания, которые потом, естественно, ты обязан будешь выполнить, предвидя обиженно поджатые губы или оскорбленный вид, говорящий о том, что она всегда подозревала в тебе недоплату и никудышного мужчину, не чету настоящим, держащим слово любой ценой. . .

Между тем беседа затянулась далеко за полночь. Молодые люди наслаждались общением под звон бокалов и уют камина. Наконец Эдик сладко потянулся и поинтересовался, хихикнув:

– Ну что, поздно уже, не пора ли по кроватям?

Глория настороженно посмотрела на Никиту, не совсем понимая, не имеет ли его друг в виду что-то неприличное.

– Мы останемся в каминной, – продолжал великодушно Эдик, – а вы можете занимать спальню. Татьяна выдаст вам белье.

Оказавшись в постели под одним одеялом, Самолетов в нетерпении положил руку Глории на бедро, там где полоска трусиков огибала тонкую девичью плоть, но она остановила его руку.

– Ты думаешь нам сейчас можно? – услышал он в темноте ее шепот.

– А почему бы и нет. Я слышал, есть такой способ сорвать задержку – надо как следует потрахаться.

– Да. Хм. Ну, хорошо, давай попробуем, а вдруг поможет.

* * *

Просьпаться утром молодым с легкой истомой от ночных бдений в объятиях прекрасной и влюбленной одалиски, когда на кухне кто-то уже готовит кофе, а внизу ждет автомобиль, сесть в который на виду жителей спального района, ничего кроме "копейки" под окнами в своей жизни не видевших – в этом есть особая поэзия и восторг.

Пока девушки о чем-то шептались на кухне, приводя себя в порядок после беспокойной ночи, Никита пил кофе в гостиной с одетым в китайский халат Эдиком. Комната, казавшаяся вчера настоящим каминным залом, на поверку оказалась заурядной двадцатиметровкой в

панельном доме со старыми шкафами шестидесятых годов, и мягкой только входящей в моду мебелью, которую, видимо, недавно завез сюда сам Эдуард.

– Я сейчас в офис, могу подвезти, – предложил начинающий предприниматель, поглядывая на часы.

– Если будешь проезжать мимо площади Ногина, высади нас там.

– Отлично, как раз по пути. Она там живет? – кивнул он в сторону кухни, видимо, имея в виду Глорию.

– Да нет, там дом ее отчима. Он должен ей денег. Вот Глория и попросила оказать моральную поддержку.

Эдик на секунду задумался.

– Хочешь дам тебе совет, – предложил он после некоторых размышлений, потягивая ароматный кофе с коньяком из чашки. – Ты представься как ее кредитор. Мол, эта девушка должна тебе денег, и как бы она передает тебе все права на собственных должников. Усек? Например, сам я к должникам никогда не езжу, а сразу отправляю своих работников ножа и топора. Кстати, хочешь, я подвезу тебя прямо к его дому на машине и подожду внизу, для солидности?

– Хм, не знаю, можно попробовать. – пожал плечами Никита, – Только зачем ждать, я думаю и так все будет в порядке.

– Ну смотри. Я могу дать еще двух ребят для подмоги?

– Нет, спасибо, – вспомнив громил из охраны Эдика, решительно отказался Никита, – я уж как-нибудь сам справлюсь.

– Дело твое.

* * *

Спустившись на машине от Лубянки мимо Старой площади и памятника защитникам Плевны, выкрашенного в черную краску, они свернули на Солянку и углубились в запутанные дворы, едва протискивая лимузин между стен, следуя указаниям Глории.

Никита был удивлен, что в центре Москвы, недалеко от Кремля, существуют такие странные кварталы с домами, больше напоминающими Петербург Достоевского, с многочисленными переходами между дворами-колодцами, одни из которых заканчивались тупиком, а другие выводили на тихие переулки, примыкающие к когда-то существовавшему здесь Хитрову рынку.

Миновав несколько арок и сквозных дворов, они наконец остановились у обшарпанного двухэтажного дома, не отремонтированного как будто еще с царских времен.

Никита и Глория попрощались с Татьяной и вышли из автомобиля, Эдик, не глуша двигателя, вышел с ними и открыл гигантский багажник Линкольна. Достав из него братковскую кожанку, он протянул ее Самолетову:

– На, одень для пущего эффекта. Потом вернешь.

От этого предложения Никита не стал отказываться и с удовольствием облачился в мягкий набук куртки, которая пришлась ему в самую пору.

– Ну, бывайте, – махнул рукой Эдик.

Он влез на водительское сиденье и, оставив после себя незнакомо-сладковатый запах бензина, скрылся в переулках.

Глория критично оглядела своего спутника. С двухдневной щетиной и короткой стрижкой, одетый в кожаный "прикид", он и в самом деле стал поразительно напоминать представителя криминального мира.

– А тебе идет, зверюга, – в приливе нежности, прижалась она к нему и чмокнула в колющую щеку.

Никите понравилось то, как она его назвала.

– Только давай так, – деловито предложил он, – представь меня не своим приятелем, а как бы бизнес партнером. Мол, ты должна мне денег, и переводишь стрелки на своего папашу.

– Отчима.

– Ну, отчима. Мне так легче будет с ним разговаривать.

– Не знаю, что ты задумал, но пусть будет так.

Глория толкнула подпружиненную деревянную дверь с выбитыми стеклами в окошках, и они оказались в пахнувшем сыростью темном подъезде со стертой и непривычной городскому жителю деревянной лестницей.

Поднявшись по скрипучим ступенькам, они остановились у давно некрашеной двери без номера с разбитым почтовым ящиком. На ящике еще сохранились наклейки названий газет в написании характерном для тридцатых годов.

Звонок тоже отсутствовал, как класс, а потому Глория просто громко постучала согнутым указательным пальцем. Никита прислушался к происходящему в квартире, но кроме громко играющего радио, никаких других звуков не последовало. Глория постучала еще раз, однако с тем же удручающим результатом.

Неожиданно позади послышался хлопок закрывающейся парадной двери и ступеньки заскрипели под чьими-то шагами. Через секунду перед молодыми людьми предстал бомжеватого вида мужичок в трениках и пиджаке поверх майки, на котором поблескивал ромбик высшего инженерного образования. Его редкие и невымытые волосы были прилеплены к голове справа налево, а мышцы лица подрагивали в астеническом нетерпении человека, которому срочно нужно похмелиться. В руках он нес авоську со скудным набором продуктов, а из бокового кармана пиджака торчала бутылка водки. На ходу он считал остатки мелочи. Дойдя до самой двери, он поднял взгляд и только тут заметил две фигуры перед собой.

– Вы чего тут? – вздрогнул мужичок в испуге, но, видимо, узнав Глорию, криво усмехнулся, – Это ты, а я вот из магазина. – Он тряхнул авоськой. – Сволочи, еле дошел! Машин понакупали, едут и едут, никак дорогу не перейти. Вот бы половину перестрелять, тогда бы посвободнее стало.

– Здравствуй, Виктор, – холодно сказала Глория, – не пугайся, это Никита.

– А чего мне пугаться. Извини, приятель, в сторонку встань. – он несколько грубо подвинул молодого человека, и наклонившись откинул грязный коврик.

Под ковриком лежал ключ, с помощью которого отчим Глории и открыл дверь своего дома. Не оглядываясь, он пробубнил:

– Проходите, располагайтесь, гости, блин, дорогие.

– Спасибо, Виктор, – делая шаг через порог, сказал Глория, – но мы не на долго.

– Хе-хе, конечно не на долго. Кому я нужен? Даже своей дочери не нужен.

– Я тебе не дочь, – вспыхнула девушка.

– Ну да, когда я тебе задницу, соплюшке, подтирал, ты была мне дочерью, а теперь нет.

– Может, я и была тебе дочерью, пока ты первый раз не ударил мою мать. Впрочем, я не хочу сейчас выяснять отношения. Мы пришли по делу.

Из темного коридора они прошли за хозяином квартиры на закопченную грязную кухню, с паутиной по углам потолка.

– Ну да, конечно, по делу, – продолжал бубнить Виктор, выкладывая на изрезанную и истертую клеенку кухонного стола кусок колбасы, хлеб и рыбные консервы. Сейчас все стали деловые. А так, чтобы прийти и выслушать человека – это нет. А хотите я вам свои стихи почи-таю. Не пугайтесь, они короткие, в одну строку, вот например, сегодня ночью пришло. Отчим Глории встал посреди кухни в позу молодого Вознесенского и закатив глаза начал завывать нараспев:

– «Я жизнь спустил, как воду в унитазе!..» – мельком взглянув на собеседников и не увидев одобрительной реакции, продолжил. – Не нравится? Хорошо, тогда другие: «Я слил и тем я интересен!..» Что тоже не хватает энергетики? Тогда вот: «Забил на все и отдыхаю!..» А? Мощь! Или: «Послал всех на и наслаждаюсь!..»

– Прекрати, Виктор, – грубо оборвала его Глория, – мне надо серьезно с тобою поговорить.

– Поговорить? О серьезном? А что же тебе мешает? Если сильно хочется, не надо себя сдерживать, ты начинай, а я подойду попозже. Живот после стихов что-то пучит.

Он сорвался с места и исчез в ванной комнате, совмещенной с туалетом. После небольшой паузы, послышался шум спускаемой воды, и мужичок предстал перед молодыми людьми в галстук безумной расцветки с попугаями и пальмами. Бутылки водки в кармане уже не было, его руки перестали ходить ходуном, а в глазах появился нагловатый прищур. При этом на ходу он зачесывал набок остатки волос ершиком от унитаза.

– С утра? Теплую водку? Из мыльницы? Обожаю. – благостно зажмурился он, отбросив ершик под раковину. – Итак, о чем ты хотела со мною поговорить?

– Виктор, я хочу забрать свои деньги, – решительно начала Глория, – те, что ты взял у меня на выгодную сделку. Сделка, как я вижу не состоялась...

– Деньги? Деньги... Ага! – Виктор сделал невинное лицо. – А у меня нету.

– Как нет? Ты же обещал еще в прошлом месяце.

– Ну мало ли что я обещал. Нет у меня денег, и все! Хреновым я оказался предпринимателем. И знаете почему? Потому что я – русский. Пью много. А в России пьют двумя способами: до тех пор, пока не кончатся деньги или до состояния полной невменяемости. Впрочем, ха-ха, создается впечатление, что деньги у русских никогда не кончаются, – в этом месте он неожиданно перешел на пафос, – Эх русский народ – нукудышный народ! Да будь такое же в другой стране, все правительство давно бы смели. А у нас все терпят. Нет, нас надо заменить на евреев. Они здесь все лучше устроят.

– Да как тебе не стыдно такое говорить! – возмутилась Глория.

– Я имею право это говорить, потому что я всю жизнь отдал космическому институту, а его вязли и закрыли. Говорят, космос сейчас никому не нужен. Иди, говорят, торгуй за прилавок. А как же! Велика Россия, и талантов у нас навалом, как говна! Ну пошел я за прилавок, а там такие вот ребята, похожие на твоего дружка, меня и обули, то есть раздели. Все до копейки выгребли.

Никита, который не любил, когда начинали ругать происходящие в стране реформы, решил, что нет особой нужды церемониться с отчимом Глории. Да и роль ее "крыши" надо было блюсти, а потому он "включил крутого" и потребовал:

– Мужик, я не знаю, кто тебя конкретно обул, это не мое дело, но сложилось так, что эта девушка оказалась должна мне денег, а ты должен ей. Так что меня не волнует, где ты их возьмешь.

– Ах, вот оно что, – тут же переменял тон на плаксивый визг спившийся инженер, – Так ты из этих, из молодых, да ранних. Ну и дружка моя доченька нашла. Нашла и на папашу натравила. Кстати, а зачем тебе деньги так срочно понадобились, что, намылилась в Израиль со своей мамочкой?

Глория отреагировала слишком нервно, чтобы Самолетов не заподозрил, что в словах ее отчима есть доля правды.

– Это не твое собачье дело! – взвилась она. – Я хочу получить свои деньги.

– Езжай, езжай! Пусть все уедут. И они нас еще пугают утечкой мозгов. Ха-ха! Как может утечь то, чего у нас нет? Я даже знаю, кто первый заметил, что у нас с головой не все в порядке. Это был Юрка Гагарин. Между прочим, он жал мне вот эту самую руку, – Виктор показал костистый кулак, – Юрка когда над страной поднялся, так сразу и заметил: "Ну, – говорит, –

Поехали". А когда границу на Запад открыли, многие так и окончательно поехали. Кто в Израиль, кто еще дальше. Теперь они там лечатся.

– Я вот, например, никуда уезжать не собираюсь, – хмуро заметил Никита, поглядывая на свою спутницу.

– Ха-ха. Это правильно, – одобрительно крикнул Виктор. – Оставайтесь. Вам, молодым, наглым и вооруженным, и возглавить этот дурдом, – похоже отчим всерьез принял Никиту за рэкетира, с помощью которого Глория пришла выбивать долг. – А что, все верно: теневая экономика, как выяснилось, единственная нормальная в стране, теперь объявляется официальной, а плановая – объявляется вне закона и отныне будет преследоваться в уголовном порядке. Вот так!

Он разошелся ни на шутку. Казалось, это говорил не он, а сатирик из радиоточки. По радио как раз удачно передавали марш Энтузиастов.

– ...И будем беспощадно карать за любые проявления плановости.

Составил пятилетний план – получи пять лет. Выиграл в социалистическом соревновании – получи десять, и переписываться запретим. Доску ударников коммунистического труда вообще менять не надо – подпиши только "Их разыскивает милиция". А за такое экономическое преступление, как выход на субботник, будем применять высшую меру – высылка в Израиль. Ха-ха!

И нечего спрашивать, отчего они медлят с приватизацией. Идиоты! Все уже давно приватизировано, оттого они и медлят. Они нас еще коммерции будут учить! У самих голова имеется. Вон немцы по камушку свою стену продают. У нас тоже стен хватает. Одной кремлевской всю страну накормить можно. Кончится стена, продадим на Запад всех более или менее красивых женщин, тем более нам они пока ни к чему, а людям радость. И в космос будем отправлять только за деньги. Кто хочет с возвращением, брать в два раза дороже.

Только извините, ребята, вы и с капитализмом гребаным можете опять в просак попасть. Ведь в Октябрьской революции буржуи не меньше виноваты, чем увлекающиеся разными идеями массы. Кто их просил так эксплуатировать людей? Меру же знать надо. И к "Яру" с цыганами нечего было на тройках через весь город мчаться, когда на улице нищих полно. Сделал миллион, не останавливайся – пропить всегда успеешь – сделай два. Снова вложи в дело. Создай рабочие места, отдай в казну, на благотворительность, на природу, подмети улицы. Вот тогда можно и к "Яру" с цыганами. А то смотрите, до семнадцатого года опять недалеко.

– Хватит нести околесицу, – прервал речь оратора Самолетов, – Девушка должна мне денег. Вы должны ей, так что теперь считайте, что ее долг переходит на вас. Возражения есть?

– Нет, возражений нет. Вот ведь парадокс: велика Россия, а отступать, как всегда, никуда.

– Повторяю, папаша, – Никита как мог изображал угрозу в голосе, – гоните деньги, и разойдемся по хорошему.

Кажется, он безбожно переигрывал, но его увещевания вдруг возымели действие.

– Ладно, ладно, – поднял вверх руки алкоголик, – я же не против, но у меня нет. Мне надо занять у Капитоныча, а Капитоныч спит.

– Так разбудите его, – не чувствуя подвоха, потребовал Никита.

– Без проблем, как любит говорить сейчас молодежь, – ехидно усмехнулся хозяин квартиры, – Прошу...

Он сделал приглашающий жест вглубь темного коридора. Молодые люди, переглянувшись, последовали за ним. В конце он толкнул дверь, и та со скрипом распахнулась. Посреди комнаты, загаженной пустой посудой и окурками, Никита заметил лежащего на смятом и грязном ситце кровати огромного мужика. Он спал, лежа на животе. Из уголка его приоткрытого рта на подушку стекала слюна, образуя на ней большое темное пятно.

– Во, Капитоныч, к тебе бандиты пришли, – бодро объявил Виктор. – Денег требуют.

Мужик мгновенно приподнял голову над подушкой, приоткрыл слипшиеся глаза и осипшим голосом произнес:

– Бандиты, какие бандиты?

– Какие обычно бывают. Рэкет, ити их. Денег, что ты мне за постой задолжал, требуют.

Виктор воспользовался тем же приемом, что и Никита. Он ловко перевел «стрелки» с одного должника на другого.

– Сейчас, – Капитоныч, не вставая с постели, дотянулся до рассохшегося венского стула, на котором висел милицейский китель, и пошарил в кармане. – Сейчас, все будет.

Но вместо денег он выхватив из кармана пистолет Макарова и наставил дуло на Никиту.

– Стоять, гадёныш! Ща мы устроим разбор полетов. Витек, вызывай опергруппу.

– Капитоныч, ты с ума сошел, я же пошутил, – опешил отчим, – брось ствол.

– Всех бандитов надо мочить, – пьяно мотнул головой постоялец, после чего сфокусировался на Глории и добавил, – и евреев тоже.

– Евреев-то за что? – спросил Никита, нащупывая на стенке, чем бы запустить в пьяного милиционера.

– Что б знали, – резюмировал Капитоныч.

В следующую секунду, Самолетов метнул в него грузную рубаху, которую он снял с вбитого в стену гвоздя. Она точно накрыла голову вооруженного жильца, после чего раздался оглушительный хлопок.

Все присели. В нос ударил едкий запах пороха. Никита молниеносно захлопнул дверь. После этого раздалось еще пять выстрелов, и одновременно на стенке появились белые дырочки, из которых ударили лучи солнца.

Никита бросился на пол, увлекая за собою ничего не понимающую Глорию. Когда выстрелы стихли, за стенкой послышался мат и холостые щелчки пистолета.

– Ты жива? – крикнул Никита и поднял Глорию с пола.

Она, похоже, не пострадала, но была страшно напугана. Схватив девушку за руку, Никита увлек ее к двери. Виктор пошатываясь отлепился от стены, и бросился за ними, видимо, сам не ожидая такой реакции от своего постояльца.

– Дочка, прости, я не хотел! – кричал он вдогонку убегающим без оглядки молодым людям.

Выбежав за ними из квартиры, он тут же споткнулся о подставленную кем-то ногу и кубарем покатился по лестнице вниз к парадной двери. Возле выхода на улицу его нагнали и подхватили под руки два крепких молодчика и выволокли во двор. Там они остановились перед Линкольном, рядом с которым стоял Эдуард и симпатичный небритый парен с колючим пронимающим до глубины взглядом. За их спинами Никита прижимал к себе дрожащую Глорию.

– Это и есть ваш должник? – спросил Эдик, тыкая в Виктора кулаком.

Никита кивнул, отряхивая от грязи и пыли себя и ошалевшую девушку.

– Это он стрелял?

– Нет, это его сосед, какой-то бешенный милиционер.

– Милиционер? – Эдик о чем-то задумался. – Ну и бог с ним. Грек, а с этим разберись.

Он вроде ребятам деньги должен. А я пока девушку успокою.

Он усадил Глорию в Линкольн и налил ей в маленький стаканчик коньяк из бара. Никита устроился рядом на заднем сидении и вопросительно посмотрел на Эдуарда, не понимая, как он здесь оказался.

– Что, рэкетир хренов. Удивлен? – довольно начал объяснять он. – Все просто. Приезжаю в офис, а сам места себе не нахожу, думаю, ну точно дров наломаешь. Как видишь, я оказался прав.

Между тем, на улице раздался отчетливый шлепок, а затем бригадир бандитов по кличке Грек, поинтересовался у получившего оплеуху отчима:

– Эй, слышь, мужик, если ты сегодня долг не отдашь, у тебя в жизни начнутся большие неприятности. Я тюрьму кормлю, а ты деньги отдавать не хочешь. Они ребята честные, но строгие...

После чего раздался шлепок погромче.

Глория, подняла голову, склоненную к груди Самолетова, и вдруг громко и истерично потребовала:

– Не надо!

– Что, не надо? – непонимающе спросил Эдик, принимая из ее рук опустевший стаканчик.

– Не надо его трогать. Я не хочу. Зачем вы вмешиваетесь? Я ему все простила.

Эдик пожал плечами.

– Ну хорошо, простила так простила. Желание столь симпатичной девушки для меня закон. Пусть живет.

Он не торопясь вышел из автомобиля, так что Виктор успел получить еще пару оплеух, подошел к Греку и что-то шепнул ему на ухо, указывая на девушку, а потом на ее отчима. Они кивнули друг другу понимающе, и бригадир что-то негромко приказал своим ребятам. Те, как ни в чем не бывало, отпустили руки своему подопечному, и тот измождено рухнул на асфальт.

Грек и двое его подручных, махнули рукой Эдику и скорым шагом направились к стоящему неподалеку черному Ауди. Через несколько секунд их и след простыл.

– Ну что, куда вас на этот раз подвезти? – довольный произведенным эффектом поинтересовался Эдик, усаживаясь на водительское сидение.

– На этот раз до ближайшего метро, – еще не переведя до конца дух, попросил Самолетов.

– «Площадь Ногина» подойдет?

– Да.

Эдик закрыл двери и включил зажигание.

– Подождите! – вдруг потребовала Глория.

Мужчины удивленно повернули к ней головы.

– Я сейчас...

Она выпрыгнула из машины и подбежала к стоящему на карачках отчиму. Он с трудом приходил в себя после тумачков, и еще не мог подняться. Она достала из кошелька все деньги, которые у нее были, и положила перед ним, после чего быстро вернулась в автомобиль.

Эдик нажал на газ.

* * *

Никита и Глория сидели на лавочке в парке героев Плевны рядом с метро Площадь Ногина и приходили в себя. Над Москвой потихоньку собирались давящие серостью облака, готовые спустить на землю то ли дождь, то ли снег.

Недалеко на пожухлой траве парка Никита заметил двух воронов, один из которых поменьше лежал неподвижно с распластанными крыльями, а другой с изумляющим упорством подпрыгивая то с одной стороны, то с другой, пытаясь клювом расправить и поднять крылья собрата, как бы говоря, ну что же ты лежишь – лети! Кто они друг другу: мать и убитое дитя, самец и его погибшая подруга? Просто ворон и вороненок? Кто знает.

Глорию все еще трясло, то ли от холода поздней осени, то ли от пережитого. Никита, глядя ее по спине, приговаривал:

– Все в порядке, все хорошо.

– Нет, я не могу, не могу так больше жить, – с трудом попадая зубом на зуб, произнесла несчастная девушка. – Когда же это кончится! Как я всех ненавижу!

– Кого всех? – спросил озадаченный Никита.

– Их! – девушка брезгливо кивнула в сторону дома своего отчима, видимо, имея в виду и спившегося инженера с милиционером, и Эдика со всей его компанией. – Никита, зачем тебе все это? Ты талантливый, сильный, красивый! Разве ты не хочешь жить в цивилизованной стране? И не потом когда-нибудь, а прямо сейчас. Там тебя оценят, а что с тобой будет здесь?

Никита чувствовал, что в нем растет протест, как бывало, когда кто-то пытался столкнуть в нем голос разума и душевные привязанности. Этот разговор был неприятен Никите, при этом он понимал, что Глорию ни в чем переубедить не сможет.

– Ладно, забудем, – буркнул он, и в этот момент заметил небольшое пятнышко крови на внутренней стороне бедра ее джинсов.

– Подожди, ты случайно не ранена? – с беспокойством спросил он.

– Кажется, нет.

– У тебя кровь на ноге.

Только здесь Глория обратила на это внимание.

– В самом деле. Ой, Никита. Кажется, это они! – она с воодушевлением посмотрела на молодого человека.

– Кто они? Едем в больницу!

– Нет, подожди. Это они – месячные!

– Ты уверена?

– Конечно. А что же еще. Это начало.

Да это было начало, только начала чего? Вечером Глория позвонила ему и сообщила, что «они» пошли так, что она еле успевает менять прокладки. Он ощутил в ее голосе легкое отчуждение, как если бы он был в чем-то виноват.

С плеч Самолетова как гора свалилась, но одновременно он почувствовал легкую грусть и опустошение, будто он что-то упустил в жизни и уже ничто не сможет возместить эту потерю.

Поцелуй На Прощание

Это было их последнее свидание в Москве. В разгар зимы она приехала к нему, чтобы сообщить что-то важное.

– Ну здравствуй, Вороненок. Как давно я не держал тебя в объятиях, – обрадовано произнес Никита Самолетов, закрывая дверь своей комнаты за худенькой девушкой в белой шубке с распущенными мелко вьющимися темными волосами.

– Ты мне раздеться наконец дашь? – поинтересовалась она, когда он обнял ее сзади и зарылся лицом в ее волосы, чуть выше мехового воротника, пытаясь губами нащупать ее нежное маленькое ушко.

– Даже помогу. Давай шубку. Проходи и садись. Налить шампанского?

– Налей. А себе?

– Нет. Шампанское у меня вызывает слабость. Еще Шекспир предупреждал парней: «Вино усиливает желание и ослабляет возможности его удовлетворения». Другое дело – коньяк. Впрочем, об этом у нас будет время поговорить – впереди у нас восхитительный вечер.

– И чем же мы будем заниматься?

– А вот тут у меня как раз расписание составлено – всю неделю трудился. Кстати, чем ты была так занята, что не могла найти время для встречи? Судя по твоему настороженному взгляду, ты что-то скрываешь.

– Давай поговорим об этом позже.

– Как ты захочешь, но у меня тоже есть что-то сообщить тебе важное.

– Что?

– Поговорим об этом позже.

– Вредный. Ну хорошо, тогда ознакомь меня с твоим расписанием.

– Пожалуйста. Так, что у нас на первое? На первое у нас – любовь. Ага! А вот на второе у нас... Гм. Снова любовь. Зато на третье у нас... Что за черт? Опять любовь...

– Какая насыщенная программа.

– Ты можешь предложить что-нибудь поинтересней?

– Нет. Но кто-то обещал прочесть свои эссе.

– Я удивляюсь на память у женщин. Достаточно им в минутном порыве страсти что-то пообещать, они уж этого не забудут, можно не сомневаться.

– Ну так что?

– Хорошо, Вороненок, я включу это третьим пунктом программы нашей встречи.

– Нет, я хочу сейчас.

– Уговорила – вторым.

– Могу поспорить, это безумно интересно. Я всегда говорила, что ты – человек талантливый.

– Я вижу, что, как любая женщина, ты знаешь, где у мужчины самое слабое место. Но я не тщеславен. Вернее, сегодня я готов пойти на жертвы.

– Почему мы всегда делаем то, что хочется делать тебе? Хотя бы раз уступил.

– Тебе это только кажется. Ты запоминаешь только случаи, когда я не уступаю.

– Все равно. Я сейчас заплачу. Ты вообще должен выполнять любое желание девушки, если ты ее хоть немножечко любишь.

– Я обожаю, когда ты, обижаясь, выставляешь свою прелестную нижнюю губку, но если выполнять любое желание девушки, я представляю, к чему это может привести. Так и быть, сначала я прочту тебе что-нибудь, но потом держись, пощады не будет.

– Я уже дрожу от нетерпения.

– Так, может, сразу и начнем?

- Что?
- Ну не чтения же.
- Нет. Я должна запомнить хотя бы один случай, когда я настояла на своем.
- Куда я засунул эту папку? Странно, никак не могу найти.
- Может быть, эта?
- Она. Как это я ее не заметил?
- Это не просто сделать, если так настойчиво запихивать ее ногой под кровать. Какая смешная папка. В таких, наверное, бухгалтеры держат свои счета.
- Тьфу ты, черт! Никак не могу развязать.
- Дай попробую я. Это же надо так затянуть тесемку... Держи.
- Выйду на пенсию, тоже заведу себе длинные ногти. Как здорово вы ими управляетесь. А я, дурак, никак раньше понять не мог, чего вы их не стрижете. Итак. С чего начнем? Выбирай.
- Начни вот с этого.
- Это слишком длинное. Лучше вот это – самое короткое. Устраивайся поудобнее. Вообще, надо сказать, если хочешь извлечь максимум удовольствия от подобного чтения, лучше всего раздеться, лечь на кровать и закрыть глаза.
- Я пока постараюсь получить удовольствие не раздеваясь.
- Как хочешь. Мое дело предупредить. Но учти, если тебе по какой-либо причине захочется обнажиться во время чтения, я перерыв делать не намерен.
- Я согласна.
- Ну-ну. Итак...

* * *

Поцелуй – это не такое простое дело, как заблуждаются некоторые. Одних губ здесь далеко недостаточно, здесь еще голова нужна. Например, некоторые даже не знают, куда сунуть нос во время поцелуя. А девушки, так все, прямо как по команде, признаются, целуясь в первый раз: «Я раньше, – говорит, – никак не могла понять, куда мне девать нос во время поцелуя, чтобы он не мешал». Они, наверное, думают, что было бы удобней целоваться с девушкой, у которой нет носа.

Бывает, еще спрашивают, как лучше целоваться: с открытыми или закрытыми глазами? Ответ прост: все зависит от того, насколько страшный партнер вам попался.

Некоторых смущают предостережения врачей, что при одном поцелуе вам передается около трех миллионов микробов. Ничего страшного. Ведь число микробов, от которых вы избавляетесь, не меньше.

Необычайно важным моментом является положение зубов и языка во время поцелуя. Один мой приятель, целуясь, сломал зуб. Я посоветовал ему сменить позицию при поцелуе. Он сменил и вывихнул челюсть. Тогда я посоветовал ему новое положение. Он сменил и сломал руку. После четвертого совета он ездил в инвалидной коляске. А вчера мы его похоронили.

Никто не умаляет вопроса о том, как целоваться. Губы девушки снизу, губы девушки сверху, поцелуй сбоку, сзади, прогнувшись, с использованием подручных приспособлений, стен, лавок, железнодорожных платформ, обрывов рек и одиноких берез. Но все же, это вопрос во многом второстепенный. Гораздо существеннее вопрос наличия зрителя. Ну кому ты доставишь удовольствие, целуясь поздним вечером на лестнице в подъезде, кроме себя, девушки да скандальной бабы, выносящей мусор, которая на тебя этот мусор и высыплет, чтобы не шлялись всякие по ночам? Нет. Ты днем выбери улицу поживленнее, сядь посередине на лавочку, посади девушку на колени и, запрокинув ей голову, прильни к ланитам.

Какое это взвешенное наслаждение – целоваться на людях. А сколько удовольствия получают прохожие? Сколько сразу радостных улыбок появляется на лицах? Правда, случаются и среди прохожих недовольные. Но это все от зависти.

А какая восхитительная вещь – женский язычок. В этом, кстати, убеждаешься только при поцелуе. Неплохо еще бывает по-дружески лизнуть ее в нос.

Но вообще, надо сказать, губы девушки – это такой предмет, который очень трудно поцеловать. Иногда бывает, целый день подкрадываешься к ним, выжидаешь удобный момент, сторожишь случай. Главное – не спугнуть их неосторожным движением. Необходимо усыпить их бдительность смирным и дружеским поведением. И вот в тот момент, когда они окончательно поверят, что вы не замышляете в отношении их ничего плохого и прогуливаетесь здесь совсем по другой причине, прыгайте к ним и, держа их обладательницу как можно крепче за уши, целуйте.

Но прошу вас особенно не увлекаться во время поцелуя. А то один мой приятель целовался в подъезде с любимой девушкой, увлекся и случайно оторвал ей уши.

Кстати, заблуждается тот, кто считает, что кроме губ у девушки на лице больше ничего нет. А щеки? С них, кстати, поцелуй начинать и надо. А носик? А поцеловать глазки? Девушка придет в восторг от такой оценки ее очей. А невыразимый привкус и нежная плоть ушек? Покусайте мочку и слегка потяните зубами за сережку. Девушка непременно станет в безумстве извиваться от такого неслабого приемчика. Сожмите ее покрепче и добейте, проникнув языком поглубже в ушную раковину.

А если после этого вы еще доберетесь до ямки за воротником между ключицами и поведите там языком! Заверяю любого, после таких ласк девушка сама изнасилует вас, если, конечно, догонит.

Однако, я не знаю ничего восхитительней, чем поцелуй в тихий зимний вечер, когда крупные хлопья снега с завораживающим шорохом покрывают землю. Что может быть лучше горящих румянцем щечек, выглядывающих из воротника девичьей шубки. И хочется реветь от жалости к жителям экватора, лишенным такого незабываемого удовольствия.

* * *

Оказалось, что в постели можно делать все, что доставляет удовольствие обоим, даже читать.

– ...Здорово! – воскликнула Глория, когда Никита замолчал и стал аккуратно завязывать эссе в папку. – Ты сам это написал?

– Нет, конечно, – почти безразлично, но в глубине души радуясь успеху, ответил Самолетов. – Писала вот эта рука. А я только следил, чтобы не было чего лишнего. Теперь-то, я надеюсь, награда не заставит себя ждать.

Никита отложил папку в сторону и стал придвигать с недвусмысленными намерениями к девушке. Одновременно он пытался расстегнуть широкий блестящий ремень на ее джинсах. Она очень любила блестящие вещи, серьги, кольца, кулоны и Самолетову не претила такая страсть к блестящему. Женщина должна одеваться так, чтобы мужчинам непременно хотелось ее раздеть. При этом по возможности быстро, но ремень не хотел поддаваться.

– Подожди, – остановила его попытки Глория, – пообещай, что посвятишь какой-нибудь свой будущий роман мне.

– Договорились. Так и напишу: «Посвящается кареглазой девушке».

– Обещаешь?

– Клянусь, ведь ты – мое вдохновение.

Ремень все еще не поддавался.

– Это правда, – с придыханием произнесла Глория, все еще держа оборону, – я похожа на вдохновение для мужчины?!

– Еще как.

– И я также прекрасна?

– Да. И еще тебя все время приходится ждать.

– Нахал! Опять издеваешься.

Она с силой оттолкнула его. Это немножко разозлило Никиту, и, не подумав, он вдруг ляпнул.

– Нет, я просто я жду, когда закончатся твои дурацкие вопросы.

Глория изумленно посмотрела на него, как будто увидела впервые, а затем холодно произнесла:

– Ну раз я такая дура, почему же мне не задавать дурацких вопросов?

– Я не говорил, что ты – дура.

– Я не глухая. Сказать, что я задаю дурацкие вопросы, все равно что обозвать меня дурой.

– Ну извини, я не хотел тебя оскорбить.

– Отстань от меня, раз я – дура.

– Вороненок, ну что с тобой?..

Он сразу стал мягким и пушистым, как котенок. Перед ним стояла простая и одновременно безумная сложная задача. Вернуть доверие девушки, да к тому же, чтобы вместе с доверьем она отдала себя всю.

– Хорошо, начнем все с самого начала... – игриво предложил он, зная, что лесть и юмор, самая короткая дорога, чтобы завоевать особу, которая сама не прочь сдаться. – Девушка, разрешите с вами познакомиться.

– Нет, я не разрешаю со мной познакомиться, – судя по ее тону, она приняла правила игры.

– А может быть, все-таки разрешите. Клянусь, я – парень неплохой.

– А кто вас знает. С виду вы все неплохие.

– Можно я тут присяду. Вот здесь, на краешке постели, возле ваших прекрасных ног.

Он присел к ее ногам и как бы невзначай, прикоснулся к ним губами.

– Ни за что!

– А у меня шоколадка с орехами есть.

– Шоколадка? С орехами? Ну хорошо, так и быть, присядьте, но только ненадолго. И надеюсь, вы не позволите себе ничего лишнего?

– За кого вы меня принимаете? Даже обидно... Конечно, позволю.

– Вот все мужчины такие. Вам только разреши.

– А вы не разрешайте.

– Что же мы – дуры?

– Заметь, я этого не говорил.

Глория уже не сопротивлялась его поцелуям, которыми он покрывал ее ноги, поднимаясь все выше и выше к бедрам.

– Попробуй только.

– Так как же насчет познакомиться? Честное слово, я с самыми серьезными намерениями.

– Шоколад давай!

Она сдавала последние свои позиции. Между тем он уже справился с ремнем и даже раскрыл молнию на джинсах.

– Я всегда говорил, что женщина просто так никому ничего не дает.

– Я больше скажу, шоколадка – это только начало.

– Все, кажется, влип!

– Не хотите, как хотите. Мы никого не насилуем.

– Я тоже. Сами предлагают.

Ее брюки уже были на ее коленях, и он последовательно продолжал освобождать ее ноги от мешающих пут.

– Что?! Ах ты развратник. А ну убери... те ваши руки. И больше ко мне не приставайте. Я не хочу с вами иметь ничего общего.

– Даже детей?

– Даже... – она вдруг испугано уставилась на него, – Что ты имеешь в виду? Опять! Ты не уверен, что в последний раз все было в порядке?

– Все было в порядке. Лично проверял.

– Ну и шуточки у вас, молодой человек. – засмеялась она немножечко нервно. – И пожалуйста, не целуйте мне коленку, соблазнителя из вас не получится.

– А повыше?

– М-м-м....

– Будем дружить?

– Ой, мамочки! Пытайте меня, пытайте! Я вам все равно ничего не скажу.

– И даже где спрятались партизаны?

Никита щекотал языком ее бедра и двигался все дальше к ее трусикам.

– И даже где спрятались... А-а-а!.. Скажу, скажу, изверги проклятые!

– Хорошо, больше пыток не будет, – вдруг отстранился Никита, напустив на себя безразличный вид.

– Нет, пытайте меня, пытайте!

– Не буду.

– Ну попробай меня еще хоть разок, чего тебе стоит.

– А что я буду иметь взамен?

– Я тебя поцелую.

– Куда?

– Ну куда-нибудь... Потом придумаю.

– Нет, ты сначала скажи.

– Ну хочешь в щечку?

– Я что, похож на извращенца?

– Ну хорошо, тогда в губы. Но учтите, я девушка из приличной семьи.

– Уже ближе к цели, но еще далековато. Подумай еще.

– Нет, он прямо озабоченный какой-то. Говорила мне мама, не связывайся с сексуальными маньяками. Почему я ее не послушалась?

– Ах так, тогда я подаю на развод. Принесите книгу регистрации разводов.

– А как же дети?

Теперь пришло время пугаться Самолетову.

– Какие дети? Опять! Ты была у врача?

– Нет. Но я чувствую, что уже на восьмом месяце.

Никита расслаблено засмеялся.

– С тобой не соскучишься, что я в тебе больше всего и люблю. Терпеть не могу, когда с женщиной не о чем поговорить.

– Так и будем разговаривать? Вот так всегда – лишь бы поговорить. Нет бы языку найти применение получше.

– Не выводи меня из себя, а то сейчас изнасилую.

– Да-а, от тебя дождешься. Обещаешь только.

– Все, насилую...

– Не-е-ет!.. – она сбросила брюки со ступней и забралась ногами на диван. – А кто обещал шоколадом с шампанским накормить, а вместо этого насилует?

– Я...

Он схватил ее в объятия и прижал к стене.

– Подожди, дай хоть сережки сниму. Сломаешь, как в прошлый раз.

– Дай я сам сниму, – он ловко стал вынимать серебряные висюльки из ее ушей, – я испытываю огромное наслаждение, вынимая и вдевая сережки в мочку женского уха, это мне что-то сильно напоминает, никак вот только не могу понять, что именно. Может, подскажешь?

– Извращенец проклятый...

– Да, я – извращенец. Я обожаю старых и некрасивых женщин.

– Кого ты имеешь в виду?

– А что в этой комнате еще кто-то?.. Ой! Больно же! Ты что, специально локти затачиваешь. Ну все, мое терпение подошло к концу. Ни слова больше...

* * *

Может, никакой любви нет, а есть всего лишь влечение к голой женщине? Как бы там ни было, Самолетов неудержимо влекло к худенькому, почти мальчишескому телу Глории. С ее душой все обстояло сложнее.

Опытом доказано, что вне зависимости от возраста влюбленный мужчина в умственном отношении далеко уступает себе же, не влюбленному. Мужчина фатально глупеет. Особенно яркие образцы скудоумия проявляются в присутствии объекта чувств. И основное проявление этого безмыслия состоит в том, что мужчину больше интересуют прелести возлюбленной, при этом он напрочь забывает об уникальности внутреннего мира и устремлениях человека, находящегося рядом. Обычно это заканчивается быстрым отрезвлением, когда ее мир вдруг начинает отдаляться, и устремления любовницы принимают совсем другое направление.

– ...Так чем ты была занята всю эту неделю? – поинтересовался Самолетов, вспомнив о беспокойстве в глазах девушки при встрече. – Ты обещала рассказать.

– Да... – лицо Глории приняло озабоченный вид, но потом она как будто передумала говорить о самом главном и, хитро улыбнувшись, поинтересовалась, – Дай слово, что не побьешь меня, если я тебе кое в чем признаюсь?

– Конечно, не буду, глупый вороненок. Сильно, уж это точно.

– После того, как это началось с тобой, мне было очень жалко Виталика. Я долго не могла с ним до конца порвать. Он часто звонил, предлагал встретиться. И совсем недавно, ты только не обижайся, я уступила его требованиям и попробовала с ним еще раз.

– Гм, любопытная новость.

– Прошу тебя, не обижайся. Помнишь, я тебе рассказывала, что только с тобой я впервые испытала оргазм. С ним я ничего не чувствовала. А когда жаловалась на это ему, он убеждал, что я малочувствительная и смогу что-то испытать только после первых родов. Так вот, ради любопытства...

– Любопытства?!

– Да, любопытства, смогу ли я пережить с ним те безумные ощущения, что я начала испытывать с тобой. И представь, к моему удивлению, я опять ничего особенного не почувствовала. Только потому я тебе об этом и рассказываю.

– И ты рассчитывала доставить мне этим большое удовольствие?

– Я рассчитывала, что ты – умный и все поймешь правильно. И потом, ты же не будешь утверждать, что все это время ты встречался только со мной.

– Клянусь, ни с кем больше!

– Врун несчастный. Думаешь, я не видела, как ты двинул локтем в тот вечер Эдика, когда он спросил, не та ли я девушка, с которой ты ездил в Прагу.

– Ты считаешь, что лучшая защита – это нападение?

– Ты ничего не понял. Какой же ты нечуткий! Прямо, настоящее дерево.

– Зачем же так недооценивать мою натуру, есть материалы и покрепче. Кстати, что касается составляющих компонентов, то некоторых женщин действительно можно ассоциировать только с куклой из целлулоида, особенно в части мозгов.

– Ах так?!

– Да, так!

– Тогда знаешь, о чем я сейчас больше всего жалею?

– Любопытно?

– Жалко, что твоя мама не уронила тебя в детстве головой о лестницу.

– Зачем это?!

– Тогда бы твои глупые высказывания имели хоть какое-то оправдание.

– Ах так?!

– Да, вот так!

– Какое счастье, что я до сих пор не женат на такой скандалистке. Если бы я был твоим мужем, я бы, наверное, повесился.

– А если бы я была твоей женой, я бы не стала тебя вынимать.

– Ха-ха! Вот здорово! Я как раз хотел говорить об этом.

– О чем?

– Не знаю, может быть, это как-то по-другому делается, там с цветами, в торжественной обстановке, а не лежа обнаженным в одной постели с тем, кому делаешь предложение. В общем, я предлагаю тебе выйти за меня замуж...

– ... Подожди, дай мне сообразить. Так. Начнем еще раз. Ты серьезно зовешь меня замуж?

– Так же серьезен я был еще только один раз, когда появлялся на этот свет.

– И что я должна говорить в таком случае?

– А мне откуда знать. Я сам боюсь любого ответа. Хотя наверняка буду рад, если ты ответишь согласием.

– А если я отвечу отказом?

– Я повешу свои гантели на шею и утоплюсь в ванной.

– А ты знаешь, что твоя мать меня не любит?

– Знаю.

– И еще неизвестно, что в этой нелюбви преобладает: ненависть каждой матери к другой женщине, укравшей у нее сына, или ее нелюбовь к евреям вообще.

– Неужели ее антисемитизм так заметен?

– Я почувствовала его сразу, как только она посмотрела на меня.

– Но это же не самое важное? Ведь я люблю тебя. И мне наплевать, кто бы о тебе что ни думал.

– Любишь? Тогда можно я тебя откровенно спрошу еще об одной вещи?

– Конечно, можно.

– Почему ты не захотел ребенка, когда я забеременела от тебя?

– А почему ты решила, что я его не захотел?

– Ты же сам доставал для меня все эти таблетки и заставил терпеть сеанс иглоукалывания, от которого я чуть не умерла.

– Не надо было, испугавшись задержки, пить всякую химическую дрянь, которую подсунили тебе твои умудренные опытом подружки. Когда я узнал об этом, было уже не до размышлений, иметь или не иметь ребенка.

– Ты не любишь детей?

– Нет почему же, я очень люблю детей, особенно когда у них крепкий сон.

– В таком случае я рожу маленького мальчишку, похожего на тебя.

– Лучше девочку.

– Первый раз вижу мужчину, который хочет девочку.

– Ерунда, любой мужчина хочет именно девочку, только им стыдно признаться себе и другим в этом. А теперь ответь мне: да или нет?

– Ты о чем?

– Ты забыла? Я, кажется, сделал тебе предложение.

– Можно я отвечу в другой раз?

– Когда девушка не соглашается сразу, это может обозначать только одно – отказ.

– Неправда. Это не отказ. Дай мне подумать. Между прочим, девушкам всегда в таких случаях положено давать время на размышления.

– Ладно, можешь не размышлять, я все понял и так. Секс – это одно, а связать свою жизнь с человеком – это совсем другое. Слушай, я придумал для нас хороший способ, заняться сексом. Что ты думаешь, если я тебя трахну во время полета этажа, этак, с двадцать пятого? Мой друг как раз на нем живет. Он уступит на время балкон для прелюдии и прыжка. Представляешь, как будет здорово: вершина оргазма станет вершиной жизни. Мы еще успеем заорать: «Мгновение, ты прекрасно!!!»

– Но мы же разобьемся!

– Не исключено, но в этом и смысл.

– Нет, я против. Я еще так мало жила и почти ничего на этом свете не успела повидать. Может быть, лет через тридцать...

– Через тридцать стану возражать я. Зачем мне старуха?

– Неправда, я еще буду молодая. И вообще я стареть не собираюсь.

– Распространенное желание. Мало, правда, у кого сбывается.

– А я не хочу и не буду. Я как представлю, что мне уже скоро двадцать, так сразу не по себе становится. Мне все время кажется, что после двадцати начнется старость.

А мне скоро двадцать шесть. Тебя разве не удивляет, как это я еще хожу по земле под тяжестью прожитых лет.

– У мужчин время течет по-другому.

– Возможно. Но мне тоже иногда кажется, что где-то после двадцати пяти начинается умирание. Теряешь ощущение беспричинной радости. До двадцати разница возраста в пять – семь лет кажется огромной пропастью между поколениями. А после стараешься не замечать бег назад твоих лет, и как быстро растет отрыв от юности.

– Все равно мужчинам легче, для них внешнее старение не так важно, как для женщины. А для нас уходящая молодость – это катастрофа.

– Не согласен. Если женщина следит за собой, она и в пятьдесят может быть привлекательна для мужчины. Я не расслышал, сколько тебе скоро исполняется? Пятьдесят?

– Дурак! Фигуру еще можно сохранить. А лицо? Куда ты денешь морщины, цвет и дряблость? Ты разве никогда не вздрагивал от неестественности фигуры девочки и оплывающего лица.

– К чему сейчас задумываться о грустных вещах? И вообще, что сегодня с тобой происходит. Ты что-то скрываешь? Ты плачешь! Моя девочка, ну не надо... Иди я обниму тебя... Если хочешь, вороненок, можешь немного поспать.

– Нет, я не хочу спать. Я хочу тебя. И не называй меня больше вороненком. Мне это имя уже надоело. Придумай для меня что-нибудь другое.

– Я придумаю тебе миллион названий и нежных имен. Иди ко мне, я прошепчу тебе их прямо в ушко:

Мое ушко, сегодня я буду твоим словечком.
Мой замочек, я буду твоим ключиком.
Моя норка, я буду твоим ужиком.
Мои ножны, я буду твоей сабелькой.
Мой кувшинчик, я буду твоим гончаром.
Моя вазочка, я буду твоим гладиолусом.
Моя березка, я буду твоим короедиком.
Моя лазеечка, я буду твоим лазутчиком.
Моя копилочка, я буду твоим рубликом.
Мое яблочко, я буду твоим червячечком.
Моя пещерочка, я буду твоим циклопиком.
Мой бутончик, я буду твоим шмеликом.
Моя бабочка, я буду твоей иголочкой.
Моя пьеса, я буду твоим суфлером.
Моя скрипочка, я буду твоим Паганини.
Моя Марианская впадинка, я буду твоим корабликом.
Моя пирамидочка, я буду твоим фараончиком.
Моя широта, я буду твоей долготой.
Мои Арабские Эмираты, я буду твоим нефтяником.
Мое Эльдorado, я буду твоим старателем.
Моя рабыня, я буду твоим эмиром.
Моя царица, я буду твоим привратником.
Моя девственница, я буду твоим девственником.
Моя распутница, я буду твоим развратником.
Моя девочка, я буду твоим мальчиком.
Мой мальчик, я буду твоей девочкой.
Моя чернильница, я буду твоим перышком.
Моя звездочка, я буду твоим астрономом.
Моя Троя, я буду твоим Ахиллесом.
Моя волшебная лампа, я буду твоим Алладином.
Моя боль, я буду твоим лекарством.
Моя фантазия, я буду твоим фантазером.
Моя пропасть, я буду твоим падением.
Моя долина, я буду твоим взгорьем.
Мое ущелье, я буду твоим эхом.
Моя теорема, я буду твоим решением.
Мой шедевр, я буду твоим гением.
Моя Голгофа, я буду твоим распятием.
Моя темница, я буду твоим узником.
Моя свобода, я буду твоим сумасшедшим.
Мое видение, я буду твоим опиумом.
Мое наслаждение, я буду твоей вершиной.
Моя смерть, я буду твоей жизнью.
Мое время, я буду твоим течением.
Пусть наше мгновение будет нашей вечностью...

* * *

– Я должна сказать тебе действительно что-то важное. – Глория стала официально серьезна. – Обещай, что воспримешь это известие спокойно и не будешь обижаться, что я не сказала тебе раньше? Я боялась, что ты начнешь меня упрашивать, и я не смогу принять это решение.

– Значит, я правильно угадал. Я давно начал подозревать, что все идет к этому. И с Виталиком ты не зря встречалась.

– Ты уже все знаешь? Тебе рассказала по телефону моя мать?

– Нет. Но я давно ждал, что ты готовишься это сказать, еще с того момента, когда ты забрала документы из института. Если девушка что-то скрывает – ничего хорошего ждать не приходится. И когда это должно произойти?

– Через три дня. Все уже готово: документы, вещи, билеты. И отец уже ждет, чтобы встретиться со мной.

– Отец?

– Да. Мой настоящий отец. Он уже давно там. Правда, у него другая семья, но он обещал помочь на первых порах.

– Да, смешно я, наверно, выглядел, когда предлагал выйти за меня замуж? Ха-ха. Что ж, давай больше не будем об этом. Лучше выпьем шампанского, чтобы у тебя в новой жизни все было хорошо.

– Давай. Если честно, я думала, что ты воспримешь это по-другому.

– Как?

– Как-то иначе.

– Ты думала, я брошусь на колени и буду молить, чтобы ты не уезжала, или, в крайнем случае, взяла меня с собой, как устройство для перетаскивания чемоданов?

– Гад ты!

– Прости меня.

– Несмотря на все твои заскоки, я буду отчаянно скучать по тебе.

– Вздор. Ты забудешь обо мне на другой день, после того как попадешь в новую жизнь.

– Нет, я тебя уже никогда не забуду.

– Иллюзия. Тебе это только кажется. Мне самому иногда невозможно представить, как я буду жить без человека, к которому привык. А как только он уходит из моей жизни, как-то даже неприятно от того, как быстро его забываешь.

– Я буду тебе писать.

– Не будешь.

– Буду.

– Сама убедишься. Найдешь себе какого-нибудь богатого Мойшу, он будет обеспечивать тебя, ты будешь изменять ему направо и налево и будешь счастлива.

– Какого еще Мойшу?

– Ну не Мойшу, какая разница. Все равно будешь изменять.

– Нет. Ты все же испортил мне жизнь. Я тебя прошу только об одном, мне больше от тебя ничего не надо.

– Ты о чем?

– Подари мне это.

– Что?

– Подари мне губы, язык и эту вещь, что находится внизу. Я уже не смогу без них.

– Ты с ума сошла. Но даже если я и сделаю это, тебя просто не пропустит таможня, найдя тысячу причин.

- И главной будет нелегальный вывоз национальных сокровищ.
- Ну ты и сказанула!
- Хорошо, если ты не можешь отдать мне это, тогда не женись. Не женись хотя бы лет до тридцати.
- Странные эти женщины – ни себе ни людям. Ничего, к сожалению, обещать не могу. Про себя по крайней мере. А то, что случится с тобой, уже ясно.
- Что тебе ясно?
- Вспомни мое предсказание? Все случилось, как я тебе и обещал тогда. Помнишь, мы сидели с тобой в кафе, и я рассказывал тебе про твою будущую жизнь.
- Нет, я уже все позабыла.
- Я говорил, что институт ты бросишь на втором курсе. Потом уедешь. Осталось сбыться последнему предсказанию.
- Какому?
- Выйти замуж.
- А за кого? Предскажи мне мужа получше.
- К получше я буду ревновать. Я предскажу тебе среднего.
- Если ты меня любишь, сделай, как я прошу. Ты же меня еще любишь?
- Я тебя ревную, в том числе и к твоему будущему мужу. Ладно, предсказываю тебе хорошего человека.
- И главное, закажи там, чтобы в постели был как ты.
- Это невозможно.
- Я прошу.
- Хорошо, но предсказание сбудется только в том случае, если ты не будешь слишком разборчивой и выйдешь замуж за первого понравившегося тебе парня, даже если тебе будет казаться, что где-то совсем рядом ждет более удачная партия. Обещаешь?
- Обещаю...

Они сидят на заднем сиденье такси, которое, покачиваясь, мчится по ночным улицам. Ее голова лежит у него на плече, и он иногда целует ее висок и волосы.

Почему они расстанутся? Этого никто сказать не сможет. Она не может жить здесь. Ее гонит страх перед будущим в этой стране. Ее зовет отец и призрак новой жизни. Или, быть может, это говорит пресловутый голос крови? Может быть, ему бросить все и уехать с ней? Нет. Невозможно. Он не может жить там. Да и в качестве кого?

Сейчас они бегут за чем-то без оглядки, страшась привязаться друг к другу по-настоящему. Они хотят быть свободными от всего и боятся глубоких и искренних чувств. А потом, на вершине своего успеха или в тупике неудачи, оглянутся назад в поиске того настоящего и живого, чем когда-то так легко, без сожаления пренебрегли, и окажется, что в жизни ничего, кроме памяти их чувств, не существует. Все остальное: деньги, вещи, приятная и ненапряженная жизнь – существует вне людей и в силу своей самодовлеющей ценности готово предать их брэнное тело в любую минуту.

Ушедшая молодость окажется счастливым временем, когда они жили волшебной мечтой о вечном празднике в освещенном яркими витринами и красочной рекламой вечернем городе. Где на улицах встречаешь загадочно красивых мужчин и женщин. Где каждая дверь таит в себе вход во влекущий мир вечного праздника, неожиданных встреч, мимолетных поцелуев и неумирающей музыки.

Сейчас им кажется, что все еще впереди. И чувства, переживаемые сейчас, – это лишь подготовка к другим настоящим чувствам, которые ждут где-то там, в другой, полной счастливыми событиями жизни.

Таксист время от времени весело поглядывает на них в зеркальце заднего обзора. Что он думает об этих двух прижавшихся друг к другу молодых людях? На вид ему лет сорок. Его молодость давно позади. Был ли в его жизни такой вечер?

– Завидую я вам, молодым – вдруг произносит таксист сожаляющим о чем-то голосом.

– Чему же вы завидуете? – спрашивает он.

– Всему: молодости, красоте, беззаботности. Тому, что вы можете вот так ехать обнявшись, и целоваться в такси, и вообще где угодно...

– Вот здесь направо, и остановите возле того подъезда, – попросил Никита и достал деньги расплатиться.

– Посмотри на часы, мы стоим уже скоро как час.

– Что ты все время поглядываешь на эти проклятые часы, как будто боишься, что я их украду?

– Я беспокоюсь о тебе. Как ты будешь возвращаться домой?

– Это мои проблемы. Но, может быть, ты уже торопишься на самолет?

– Ты должен понять, я не могу не ехать. Если бы это было в моих силах, я бы не рассталась с тобой никогда.

– Возможно, это к лучшему. Каждый ищет в жизни свою дорогу.

– Я больше не могу. Еще минута, я разревусь и никуда не поеду. Поцелуй меня на прощание. И не вздумай приехать в аэропорт. Это будет слишком тяжело для меня. Все эти плачущие родственники, дурацкое оформление, таможня. Ты же знаешь, как у нас это все происходит. Я просто не выдержу. Хорошо?

– Хорошо.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Давай прощаться.

– Я тебя прощаю.

– И я тебя. Пока!

– Пока!..

Одна С Половиной Недели

Они встретились два года спустя в маленькой, окруженной врагами средиземноморской стране.

Когда Глория уезжала в Израиль, Никита был уверен, что она едет со всей семьей, но оказалось, что семья (мама, брат и бабушка) ждет статуса беженцев в американском посольстве, между тем как Глория решила ехать в незнакомую страну совершенно одна, на свой страх и риск.

Мать и все родственники уговаривали ее подождать, ведь до получения статуса осталось совсем недолго. Однако ее непреодолимое желание быть самостоятельной во всех своих, даже неверных, решениях перевесило все доводы разума.

В этом сочетании несовместимых желаний, капризов и комплексов была она вся. Ее внешняя хрупкость и утонченность уживались с каменной твердостью и невероятным упрямством.

Тогда это показалось Самолетову великолепным выходом из сложившейся ситуации, поскольку это было ее добровольным решением, и в том, что они расстанутся, никто не виноват, кроме общего течения жизни. Его самовлюбленное «я» даже попыталось встать в позу обиженного: ведь получалось, что это она его бросает. Но в глубине души он знал, кто из них двоих совершил предательство и кто по-настоящему страдал, а кто всего лишь придумывал себе образ пострадавшего от несчастной любви.

Они простились, и Глория уехала. Между тем Самолетова бросало от одного занятия к другому. Он торговал оргтехникой и водкой, работал на телевидении и в рекламе, пробовал писать статьи в газеты и рассказы для эстрады, пока его интерес не остановился на Интернете, где ко всеобщему удивлению (но более всего к его собственному) он научился сочетать бизнес и творчество и при этом еще иметь столько свободного времени, сколько он пожелает.

Отношения с девушками складывались в том же духе. Их было не так чтобы много, но достаточно для того, чтобы он понял, как трудно среди них найти не просто партнера для секса, но еще и родственную душу.

Однажды, разбирая свой письменный стол, он наткнулся на закатившийся в угол простенький, но изящный «магендовид» с ушком, чтобы носить на цепочке. Эту шестиконечную звездочку Давида ему как-то подарила Глория, обожающая всякие побрякушки – вернее, он сам выпросил у нее на память. «Интересно, где она сейчас и что с нею?» – подумал он.

Он стал вспоминать их отношения и неожиданно понял, что в ней было все то, что последнее время он искал во всех своих партнершах. Более того, в сексуальный трепет его приводили исключительно женщины, внешне похожие на Глорию.

Он вспомнил ее хрупкий облик с изящными национальными чертами, не оставляющими равнодушным ни одного мужчину, ее не по-женски парадоксальный ум, что создавало между нею и другими, менее умными, мужчинами барьер несовместимости. Никита же с его манерой играть в разговоре понятиями и смыслами умел этот барьер легко преодолевать.

Никита узнал ее адрес и телефон у ее родных, которые к тому времени уже сидели на чемоданах, готовясь к отъезду в Штаты. Затем он написал ей прочувствованное письмо – обычный любовный бред. Как ни странно, через месяц пришел ответ. Похоже, Глория переживала не лучшие времена в процессе своей адаптации к новой жизни. Свалившиеся на нее несчастья – отсутствие денег, неопределенность дальнейшей судьбы, одиночество – удачным образом совпали с его внезапно вспыхнувшим чувством. Читая письмо, в котором Глория недоумевала, почему он вдруг вспомнил ее, и признавалась, что и он ей по-прежнему дорог и что она по нему безумно скучает, Никита плакал.

В тот же день Самолетов позвонил ей в Израиль и сказал, что он летит к ней.

К тому времени он из изящного остроумного юноши, которому женщины достаются с невероятным трудом, наш герой превратился в грубого волосатого мужчину, которому женщины покоряются с поразительной легкостью. Она же из хрупкого худенького мальчишки превратилась в обворожительную женщину с необычайно красивой грудью, как раз такой, какую он любил еще с детства, и стойким до упрямства характером.

– Не приближайся ко мне, – сказала она, когда он появился перед ней в комнате общежития Иерусалимского университета, – Я тебя боюсь.

– А я и не приближаюсь, – сказал он, целуя ее в ушко.

– Не раздевай меня, – сказала она, – я стесняюсь.

– А я и не раздеваю, – сказал он, освобождая ее смуглые бедра от белоснежных трусиков.

– И не вздумай раздеваться сам, – сказала она.

– И в мыслях не держу, – сказал он, отбрасывая свои.

– Ты зверь, и я буду сопротивляться! – воскликнула она.

– Изо всех сил? – поинтересовался он, укладывая ее на постель.

– Изо всех, – ответила она – Только закрой дверь на ключ и прикрой получше шторы...

* * *

Несколько часов спустя молодые люди вышли в обволакивающую теплоту вечера за охраняемую ограду студенческого городка, расположенного на горе – одной из самых высоких в окрестностях. Внизу, на холмах, расчерченный светом улиц и переулков, раскинулся библейский город, до сих пор не поделенный между народами.

В одной руке Никита держал тяжелую сумку, а в другой нес ее невесомую ладонь, вернее, она, как всегда, сжимала в кулачке указательный палец его руки. Сегодня был последний день, когда Глория должна была выехать из общежития на студенческие каникулы под угрозой безжалостной администрации начислить плату за весь следующий месяц проживания.

В этот час еврейский саббат уже начался, а потому в городе не было иного способа передвижения кроме собственных ног да плюющих на религию таксистов. Надежды на то, что они сядут на автобус, идущий к морю, где поселятся в каком-нибудь отеле, неожиданно рухнули из-за его незнания местных обычаев. В результате они в полной растерянности оказались ночью на улице, не зная, что делать и куда идти дальше.

В этой стране из всех своих знакомых Никита мог позвонить только Вольдемару – когда-то своему лучшему другу, красивому, но убийственно флегматичному парню. Год назад Вольдемар с матерью и старшей сестрой по туристической путевке подался к Средиземному морю, на историческую родину отца, где и остался в поисках лучшей жизни. Как молодой и очень талантливый выпускник Бауманки, специалист в области сопротивления материалов, он смог найти только одну работу, практически по специальности – грузчиком.

Никита нашел ближайший телефон-автомат с обязательной инструкцией по пользованию на русском языке рядом с арабским и ивритом и набрал телефон своего друга.

– Вовка, привет! – радостно воскликнул он, услышав в трубке рассудительное и как всегда грустное: «Алле!»

– Никита, это ты? Куда ты пропал? Приехал навестить и исчез. Я же беспокоюсь!

– Да ты понимаешь, так получилось. Я сейчас с Глорией. Она передает тебе большой привет.

– Ей тоже – большой, – с явной ревностью в голосе пробубнил Вольдемар. – А вы где?

– Да вот, понимаешь, такая незадача – мы нигде...

– В каком смысле?

– В смысле, мы на улице и ищем пристанище на сегодняшнюю ночь. Только на одну ночь, а завтра мы уедем к морю.

В трубке послышалось напряженное сопение Вольдемара.

– Да-а, – задумчиво протянул он, – и что же вы намерены делать?

– Вовка, выручай, – пошел в лобовую атаку Никита, – мы у тебя сегодня как-нибудь разместимся, а? Только на одну ночь.

Носовое сопение в трубке усилилось.

– А где же вы будете спать?

Никита представил себе маленькую двухкомнатную квартирку без прихожей, в которой каморка Вольдемара служила одновременно и гостиной, и столовой, и классом, где он давал уроки физики балбесам, поступающим в университет. Комнату, где обитали мама и сестра, Самолетов не видел, но, похоже, она была еще меньше.

– Ну, на той кровати, где я ночевал, – как можно более непринужденно, но уже без особой надежды, предложил Никита.

– Ты хочешь на ней разместиться вдвоем?

– Нет, нас тут еще пять человек с чемоданами... – начал злиться на себя, на Вольдемара и на весь мир Никита. – Конечно, вдвоем. Обещаю тишину и порядок.

Он почти физически почувствовал душевные муки человека, находящегося на том конце провода.

– Ты только пойми меня правильно, – после минутной паузы начал его бывший друг, – у меня на руках мать и сестра, и...

– И?... – уже все понял Никита.

– ... и они не поймут, если ты будешь ночевать здесь с девушкой.

Никита представил себе вечно раздраженную, измученную здешней жарой маму Вольдемара. Затем он вспомнил его давно потерявшую надежду выйти замуж очень амбициозную тридцатилетнюю сестру, не способную, а скорее и не желающую ни выучить иврит, ни найти здесь хоть какую-то работу. На секунду ему стало невыносимо жаль придавленного столь тяжелой ношей Вольдемара – умного и романтического юношу, писавшего когда-то очаровательные грустные стихи на полях физических расчетов.

– Извини, Вовка, я об этом не подумал, – вдруг понял всю нелепость своей просьбы Никита.

– Ты только не обижайся, – грустно ответил Вольдемар. – Если бы ты был один, тогда нет вопросов...

– Ладно, ладно, не оправдывайся, я не обижаюсь.

– Ты еще заедешь перед отъездом? – поинтересовался Вольдемар, проявляя весьма обидное для Никиты пренебрежение к Глории, о которой он даже не спросил.

– Посмотрим, как все сложится. Бывай...

– До встречи, звони!..

Никита повесил трубку и посмотрел на прижавшуюся к нему худеньким, но очень горячим телом Глорию.

– Ну что будем делать, птенец? Кажется, на одну ночь нам придется стать бездомными дервишами. Устроимся спать прямо в каком-нибудь парке. Или помнишь то место возле крепостной стены вокруг Иерусалима, где валялись парочки туристов? Не знаешь, здесь палатки случайно нигде не продают? Впрочем, я забыл: сегодня же все закрыто.

– Хочешь, я научу тебя говорить на иврите? – неожиданно спросила она.

– Давай, научи меня какому-нибудь страшному ругательству. Я скажу его в адрес того, кто придумал устаивать раз в неделю праздник для лентяев.

– Нет, я тебя научу другому выражению. Ты будешь говорить его в мой адрес, – Глория обняла его двумя руками за шею. – Скажи: «Они».

– Они – полные коз... – она быстро зажала его рот своей маленькой ладошкой, так что он почувствовал сладко-соленый вкус ее пальчиков.

– Прошу тебя, не ругайся.
– Я не ругаюсь, я философствую, хотя мне кажется, что это одно и то же.
– Скажи просто: «Они...» – улыбнулась Глория.
– Ну хорошо: «Они...»
– «Охев...»
– «Охев...»
– «Отах...»
– «Отах...»
– А теперь все вместе: «Они охев отах».
– А что это значит?
– Догадайся сам.
– Кажется, я начинаю догадываться, – сказал он, целуя влажную тонкую полоску ее почти детских губ. – Они охев отах...

Как только прошло головокружение от внезапного прилива нежности, перед Никитой со всей неизбежностью снова встал вопрос о том, где они сегодня будут ночевать.

– Слушай, а может у тебя есть какие-нибудь знакомые или родственники? – спросил он Глорию. – Помнится, ты говорила про родного папу, который на территориях воюет с арабами. Как он отнесется, если мы к нему нагрянем? Территории – это же совсем рядом.

– Ты точно с ума сошел! Ни один таксист так поздно туда не поедет.

– А у него есть машина?

– Да, маленькая Субару.

– Он мог бы приехать за нами сам.

– Нет, об этом не может быть и речи. Я не хочу ни о чем просить человека, который почти двадцать лет не вспоминал о моем существовании.

– Ты же сама говорила, что он ждет тебя в Израиле.

– Все, чем он помог, это встретил меня в аэропорту и поселил в кибуце, из которого я сбежала на второй день. Да пару раз еще пригласил к себе в гости, где выставил полной дурой перед новой семьей. Нет, о нем я даже слышать не хочу.

– В таком случае неисчерпаемый запас моих идей, кажется, иссяк...

– Возможно, мы сможем переночевать в кампусе медицинского факультета, – немного подумав о чем-то, сказала Глория, – у меня там учится троюродный брат Яша, и они с женой еще сдают экзамены.

– Боже, сколько же у тебя родственников! Впрочем, тут наверно, все считают себя родственниками, раз произошли от Адама и Евы.

– Хорошо, что ты напомнил про Адама и Еву. Сейчас уже поздно, и нам придется идти в темноте, а их кампус как раз расположен на холме, который по странному стечению обстоятельств облюбовали змеи.

– Только этого не хватало!

– Иди осторожнее и смотри себе под ноги...

С этим предупреждением Глория повела за собою нагруженного вещами Никиту по извилистой поднимающейся вверх дорожке между университетскими корпусами возможному пристанищу.

Самолетов, с опаской глядя в каждый придорожный кустик на их пути, пустился в рассуждения о том, как символично, что змеи облюбовали именно медицинский факультет – ведь змеиный яд обладает множеством полезных свойств, а сама змея, обвивающая чашу с ядом, является символом врачевания.

– И самая большая польза от такого соседства, – с нервным смешком произнес он, наступив на что-то извилисто-змеинообразное, оказавшееся сухой оливковой веточкой, – что если

сейчас кого-то из нас и укусят, то помощи долго ждать не придется, ведь студентов-медиков в первую очередь должны учить оказанию экстренной помощи при змеиных укусах.

Глория, преодолевая этот путь не в первый раз, довольно улыбалась, ощущая, какое сильное впечатление произвели ее слова на обычно непоколебимое большое и сильное животное, которое она вела за собой.

Найдя в конце концов нужный корпус, что в темноте было не так-то просто, они поднялись на второй этаж и постучали в дверь с нужным номером.

Дверь распахнул высокий и худой, если не сказать тощий, темноволосый юноша, который, увидев Глорию, сразу просиял:

– Маша, ты посмотри, кто к нам зашел в гости! – не оборачиваясь, радостно прокричал он рыжеволосой девушке, с ногами расположившейся на узкой студенческой койке в глубине ярко освещенной комнаты.

– Глория, ты как здесь оказалась? Входите! – обрадовано произнесла та не вставая, так как была придавлена огромным медицинским справочником, раскрытым посередине.

Пока Яша по-братски обнимал и целовал Глорию, Никита вносил вещи в довольно большую и неплохо для студенческого общежития обставленную комнату. По дороге он рассматривал многочисленные книжные полки, где среди книг по медицине заметил Тютчева, Фета, Манделштама, а также толстенный сборник русских народных пословиц и поговорок.

– Познакомьтесь, это Никита, – наконец высвободившись из объятий брата, представила ему своего спутника Глория.

Никита снял сумку с плеча, издав далеко помахав рукой Маше и горячо потряс протянутую ладонь Яши. Тот тут же выдернул руку и схватился за живот.

– Осторожней, осторожней! Мне нельзя делать никаких резких движений, – воскликнул он, отпрянув от Никиты.

Никита озадачено посмотрел на Глорию.

– Что с тобой, Яша? Ты заболел? – с тревогой в голосе спросила она готовящегося стать врачом родственника.

– Нет, я здоров, – заулыбался тот, – просто я делаю лабораторную работу.

– О чем это ты?

Тот вместо объяснений задрал майку и продемонстрировал тело, облепленное датчиками на присосках, от которых шли проводки к небольшому похожему на пейджер приборчику с разными индикаторами и лампочками.

– Я снимаю суточный график биоритмов, – гордо пояснил Яша, – и поэтому мне нельзя делать резких движений и вообще сильно волноваться.

– Это Яшкины «хвосты», – пояснила с дивана смеющаяся Маша. – Без этого у него не примут экзамены.

– У тебя «хвосты»? – удивилась Глория. – А я-то думала, у тебя одни пятерки.

– Девочка, – назидательно сказал Яша, – на медицинском факультете нельзя учиться на пятерки или на тройки. Здесь можно учиться только на последнем издыхании. Я, кажется, уже издох. Машка еще держится, но она женщина и пофигистка. И лучше не напоминайте мне про экзамены, а то я начинаю волноваться!

– Ага, – подхватила с дивана его жена, – ты еще напиши записку: «Я еще жив» – и подпишись.

Яша показал ей кулак, а затем, как будто впервые заметив сумку и чемодан у ног Никиты, воскликнул:

– А чего это вы с чемоданами? Уезжаете?

– Да, Яша, но только завтра, – принялась объяснять ситуацию Глория. – Понимаешь, нам нужно на сегодняшнюю ночь где-то остановиться.

– Жаль, что мы ничем не можем вам помочь, – словно не понимая намека Глории, невозмутимо произнес Яша. – У нас нет даже матраса, чтобы постелить на пол, хотя можно попытаться взять его у нашей соседки-американки.

– Яша, ты что, забыл, что она сегодня уехала? – недовольно перебила его Маша, укоризненно глядя на мужа.

– Ах, да, забыл. Еще эта лабораторная работа... Даже не знаю, что придумать. Может быть...

Никита не дал ему договорить.

– Да нет, ребята, спасибо. Это Глория пошутила, – решительно произнес он. – На самом деле мы уезжаем сейчас. Мы просто зашли попрощаться. Я увожу ее к морю.

– К морю! Отдыхать! – с нескрываемым восхищением воскликнул Яша, перемигиваясь с женой. – Глория, как я тебе завидую! Но нет, мне же нельзя волноваться...

– Что ты задумал? – тихим голосом спросила Глория, дернув Никиту сзади за рубашку.

– Потом объясню, – так же тихо ответил он.

– Единственная просьба, – громко обратился Никита к брату Яше и его жене.

– Какая? – насторожился Яша.

– Можно мы у вас оставим чемодан, а через неделю заберем?

– А, это пожалуйста... Кидайте вон туда за шкаф.

– А как же мои вещи? – изумленно спросила Глория.

– Возьми то, что тебе понадобится на неделю, – сказал Никита, – и положи ко мне в сумку, а я пока позвоню. Ребята, у вас есть «Желтые страницы»?

– Конечно. А куда вы направляетесь? – заинтересовался Яша, доставая с полки телефонный справочник.

– В Герцлию.

– О, круто! Там курорты для самых богатых.

Пока Глория перетряхивала чемодан, а Яша рассуждал о достоинствах и недостатках тех или иных курортных мест, Самолетов нашел нужный раздел с телефонами отелей и стал методично обзванивать их в поисках недорого номера. Очень скоро среди транснациональных гостиничных гигантов он наткнулся на отель со странным названием «У Розенгольца», который, судя по ценам, они могли потянуть на неделю.

Ладно, что говорить о евреях, если мы и себя-то один раз в году любим!

Выбравшись с Глорией на ближайшее шоссе, Никита поднял руку, и третий по счету белый мерседес с шашечками на крыше согласился довезти их прямо до моря, если ему оплатят обратную дорогу. Никите уже было все равно. Устроившись на заднем сиденье и обнявшись, чтобы не замерзнуть от включенного на всю мощь кондиционера, они отправились с иерусалимского поднебесья вниз – в далекое путешествие к побережью Средиземного моря по светящейся отражателями волшебной дороге-реке, которая, как им тогда казалось, приведет их к счастью...

Территория

В тот же вечер молодые люди поселились в маленькой гостинице у моря в номере с зеркалами на уровне постели и репродукцией "Танцовщиц" Дега у изголовья.

– Послушай, – сказал Самолетов на следующее утро по дороге на пляж, – эти шорты тебе очень идут. Они совсем не мешают восприятию чистого образа твоего тела. Скажи только, почему все местные мужики так на нас пялятся.

– Как?

– Как будто я отнял у них самое дорогое, что у них есть в этой жизни.

– Не обращай внимания, они на всех женщин так смотрят. Это здесь самое противное. Мне просто делается страшно.

– Ты о чем?

– Мне уже двадцать два, и я знаю, что дальше в этом окружении уже ничего не будет.

– Не говори глупостей.

– Подожди. Два года назад я думала, что встреча с тобой не так важна и таких еще будет много. Ты и представить не можешь, с каким количеством мужчин я встречалась с тех пор, как приехала в эту страну.

– И что?

– И ничего. Половина дебилы, половина импотенты. И по всему видно, соотношение это не изменится.

Как будто в доказательство ее слов из-за пальм выскочили три сефардских юноши и, окружив их, что-то угрожающе закричали. Он понял, что, похоже, придется драться, и по российской привычке оглядел диспозицию, примечая, где можно выломать дубину или подобрать булыжник.

– Что они говорят? – спросил Никита.

– Несут какую-то чушь, что это их место, и мы мешаем заниматься им спортом.

– Надавать им, что ли, по морде?

– Не вздумай! Здесь так не принято, затаскают по судам. Лучше скажи им что-нибудь погрознее.

– Пожалуйста, – и встав в угрожающую позу, Самолетов процедил сквозь зубы, глядя в глаза самому здоровому: "Я помню чудное мгновенье, передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты".

Напуганные леденящими кровь звуко сочетаниями, аборигены передумали заниматься спортом и быстро растворились в кустах.

По пляжу, осыпая отдыхающих песком из-под ботинок, куда-то вдаль береговой линии пробежал взвод пехотинцев с полной выкладкой.

– Посмотри, – заметил он, – как эти юноши гордо держат в руках свои автоматы, как будто это самое ценное, что они сейчас имеют ниже пояса.

За ними вдоль берега в раздумьях, куда бы пострелять, пролетели боевые вертолеты.

– Нет, – воскликнул Никита, – эта страна определенно мне нравится, она очень сексуальна! Например, чтобы раздеть здесь женщину, не надо прилагать никаких усилий, так мало на них надето. А эти религиозные юноши: их безусые лица, завитые в пейсы локоны и черные приталенные сюртуки – что-то в этом есть возбуждающее. Я хочу присоединиться к местному разгулу эротики и переодену пляжные трусики прямо здесь, ни от кого ничего не скрывая.

– Ты с ума сошел, – испуганно схватила его за руки Глория, полиция нас оштрафует за разврат.

– Пусть попробует. Денег я им точно не дам, а исполнительные листы ко мне на родину пусть шлют.

- Дурак, все увидят, что ты не обрезан.
- И рад этому. Природа – она же не дура. Чего вмешиваться-то?

* * *

После купания они устроились в летнем кафе на берегу моря и заказали себе завтрак.

– По-моему, официантка к тебе слишком внимательна, – заметила Глория, с подозрением глядя на принесшую еду и напитки девушку – Вот и конфету тебе принесла, а мы никаких конфет не заказывали.

Она положила руку ему на шорты.

– Это мое. Никому не отдам!

– И давно это твое? Я как будто на него прав еще никому не передавал, – усмехнулся Никита.

– Нет, мое. И не спорь.

Когда он дошел до пива, Глория пересела к нему на колени. У нее были для здешнего климата удивительно прохладные руки и холодный нос, так что, целуясь с ней, он все время простужался.

– Я так люблю, когда от тебя немного пахнет спиртным. Это меня возбуждает.

– Меня тоже, – добавил он, интимно прижимая ее к себе, – но мы не можем заниматься этим прямо здесь.

– Я не знаю, что со мной творится, – призналась Глория. – Меня как магнитом тянет к тебе, особенно на людях. Мне хочется, чтобы все обязательно видели, как мы целуемся, как я сижу у тебя на коленях. Я хочу, чтобы все знали, что ты мой парень, а я твоя девчонка.

– А что тебя удивляет?

– Это так на меня не похоже. Спроси у моей соседки. Чтобы я сама лезла к мужчине! Это что-то неправдоподобное.

– Приятно чувствовать себя мстителем за все разбитые и отвергнутые тобой сердца. Кстати, много их без меня было?

– Разве это важно?

– Важно. Я во всем чувствую их присутствие. Что это за мужики, что постоянно звонили тебе в общежитие? Что это за жених, о котором ты упоминала в письме?

– Тебе не стоит ревновать.

– А я и не ревную, совсем не ревную, я просто хочу знать.

– Тебя не было рядом два года, и писал ты не так уж и часто. Имела я право отвечать на внимание других мужчин? Сам ты тоже, как я понимаю, вел жизнь не девственника.

– Клянусь, именно такую жизнь я и вел!

– И помнил, о чем я тебя просила?

– Конечно, помнил! А кстати, о чем?

– Не изменять мне хотя бы первый месяц.

– Но я тебе никогда не изменял и не изменю!

– Душой, что ли? – насмешливо спросила она.

– И телом. Знаешь, если закрыть глаза, на месте любой женщины можно представить тебя.

– А на месте любого мужчины тебя, – подхватила она.

– Берегись, я в ревности страшен.

– И не только в ревности. Мог бы и побриться вчера, перед тем как лечь в постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.